

Татьяна Новоселова
«З В Ё З Д Н Ы Й
Ч А С»

фантастическая повесть

Издано:

Независимым Издательством

Аннотация

В фантастической повести "Звёздный Час" рассказывается о том времени, если бы на Земле была открыта способность быстро преодолевать космические расстояния, и когда скорость течения жизни на нашей планете не шла бы в разрез с течением временем на летящих от планет к планетам кораблях.

Обыкновенный транспортный межгалактический звездолёт совершает самый обыкновенный плановый рейс к далёкой звезде. И на нём летят самые обыкновенные люди Земли со своими чувствами, мыслями, пристрастиями, со своими характерами. Но то, что происходит с ними во время этого полёта, заставляет их показать свои главные человеческие качества и силу духа. Для каждого из них предназначен свой "звёздный час".

ISBN—13: 978-1-71676-829-3

УДК: 1751

Об авторе

Новоселова Татьяна Михайловна родилась в г.Архангельске. Окончила Архангельский лесотехнический институт. После работала на Архангельском ЦБК в конструкторском бюро. Вскоре перешла в ЦНИИ механической обработки древесины. Закончила там аспирантуру.

В авиацию была влюблена с детства. В два года совершила свой первый перелет. Потом пассажиром довелось полетать на всех типах отечественных самолетов. Мечта стать пилотом не сбылась, но в небо тянуло всю жизнь. Во время работы в ЦНИИ пришлось много летать по стране с внедрением своих разработок. От западной ее границы до восточной. Благодаря авиации, побывала на Дальнем Востоке, в Сибири, на Севере.

Так что авиация удивительным образом прошла сквозь всю ее биографию. В конце концов, Татьяна все же связала свою судьбу с авиацией, став работать в Музее авиации Севера. Литературные псевдонимы Татьяны, используемые ею в печатных изданиях и в интернете: Татьяна Залесская и Журавлик.

Содержание

Звёздный Час	5
Приключения маленького самолётка.....	66
<i>Большой город</i>	66
<i>Великий пожар</i>	69
<i>Удивительное знакомство</i>	74

Звёздный Час

Фантастическая повесть

*Огромный мир вселенной вечен.
Но мы живем на свете только раз.
И в трудной нашей жизни, и в беспечной
У каждого свой звёздный час.*

Удивительное, бездонной глубины космическое пространство расстилось повсюду, куда ни падал взгляд. И сзади, и спереди густая чернота стеной стояла на обзорных экранах. Казалось, стоит протянуть руку и можно наткнуться на эту стену, можно пощупать её, провести по ней ладонью. Только маленькие точки звёзд, особенно яркие на таком фоне, неподвижно висели вокруг. Лишь мощнейший локатор отмечал их едва уловимое передвижение.

Космический корабль класса "Зодиак" вот уже несколько недель мчался среди этой черноты к далёкой, но уже знакомой на Земле, нежно голубой звезде Алансолярий.

Звезду открыли не так давно и она сразу привлекла к себе внимание не только ученых, но и всех жителей Земли, постоянно наблюдавших за ходом исследования её планет, на одной из которых была обнаружена несколько необычная форма разумной жизни.

И вот совсем недавно стал возможен контакт с инопланетной цивилизацией. Гость с неё более месяца находился в земном сальватории. Были предприняты все пути подхода к нему, работало очень много специалистов контактеров. Особенно интересовались способностью жителей этой планеты Алансолярия приспосабливаться к любым окружающим условиям, чтобы не погибнуть.

Гость доставил на Землю космический корабль, который летал в районе звезды и на планете Фелла обнаружил признаки разумной жизни. Теперь этот же корабль вез его обратно на Феллу.

* * *

Огромный красавец звездолёт бороздил бескрайние просторы океана вселенной. Длинный сигарообразный его корпус казался лёгким и невесомым, каким-то даже неуловимым, воплощением невероятной скорости. Внешние линии корабля так причудливо изгибались, будто волны, гонимые стремительным ветром, застыли, окаменев на бортах. Носовая часть корпуса гигантским конусом уходила вперёд и искрилась необычным светом среди непроницаемой мглы космоса. На нем большими буквами выделялось название корабля - "КЛЁН".

Звездолёты класса "Зодиак" было принято называть чисто земными понятиями, заключающими в себе дух родной землянам природы: "Родник", "Тополь", "Кипарис". Особенно астронавты любили названия деревьев. Они как будто увозили с собой в мёртвый звёздный мир частицу своей родины.

"Клён" был транспортником. Он мотался между звёзд и туманностей, выполняя самую обыденную работу. Перевозил грузы, партии исследователей на станции, находящиеся на планетах и искусственно созданных летающих площадках,

доставлял образцы вземных структур в лаборатории.

Недавно "Клёну" повезло. Он столкнулся на Фелле с разумной жизнью, которая очень заинтересовала ученых. И вот теперь на его борту необычный пассажир возвращался к себе домой. Для жилья ему отвели отсек, где поддерживались специальные условия. Но пассажир уже акклиматизировался и неплохо чувствовал себя в атмосфере космического корабля. Он общался со всеми членами экипажа транспортника. Астронавты с трудом понимали, как ему удалось приспособиться к земным условиям. Специалист по контактам Вира Дельмонг пыталась что-то объяснить своим товарищам, но ни командир корабля, ни астронавигатор так ни в чем толком и не разобрались.

Житель Феллы, действительно, имел немислимый вид. Его тело представляло собой правильный цилиндр, лежащий на боку. Оно составлялось из набора концентрических тонких колец, находящихся друг от друга на небольшом расстоянии. Абсолютно непостижимо было, как они не разваливаются, потому что между ними отсутствовала всякая связь. Кольца, казалось, существовали сами по себе, и какая сила удерживала их вместе, являлось загадкой. Тем не менее, ни одно кольцо не смещалось и не выскакивало со своего положенного места. Станным выглядело и то, что кольца могли перемещаться, увеличивая расстояние между собой, а невидимая связь при этом оставалась такой же прочной. Цилиндр, в результате, удлинялся и мог вырасти до невероятных размеров или, наоборот, сжимался в тончайшую пластинку, в зависимости от места нахождения. Он неизменно занимал собой в ширину всё пространство, по которому передвигался. Перемещаясь по коридорам и отсекам корабля, он вытягивался обычно от стенки до стенки. Так жители Феллы ориентировались в окружающем пространстве. Никакого намека на органы зрения у них не существовало. Впрочем, затем выяснилось, что фелляне все же как-то видят. Не могут только оценивать расстояния, делают это на ощупь.

Цилиндр двигался, перекатываясь по полу, совершенно бесшумно. Внутри он был полый. То есть ничего не препятствовало прониканию сквозь него любых предметов. Удавалось даже свободно просунуть руку.

На первый взгляд, цилиндр казался неорганического происхождения. Он имел чуть голубоватый матовый блеск. Создавалось впечатление, что тут какой-то металл. Но нет, этот набор колец жил, дышал, даже питался непонятным способом. И на ощупь он был ничуть не холодный, а абсолютно гладкая с виду поверхность - шершавой.

То, что цилиндр дышал, не вызывало сомнения. При этом цвет колец становился красноватым и пульсировал. Только потребность в дыхании у него была не постоянной, а через длительные промежутки времени, причем, разные по продолжительности. Атмосфера планеты Фелла совсем не походила на земную - какая-то концентрация пока ещё не известных на Земле газов. Но её житель сравнительно легко перестроился на земной воздух. В этом вопросе предстояло ещё много и много разбираться.

Вот так выглядел пассажир "Клёна".

Не сразу, но нашлись и способы общения с "цилиндром". Оказалось, что эти существа разговаривают и способны даже переводить свою речь на язык землян

более или менее понятно, что очень облегчило контакт. Многое удалось узнать из уст самого представителя.

При "разговоре" цилиндр издавал негромкие, нежные, звенящие звуки. Впервые услышав их на Фелле, астронавты "Клёна" поразились красоте звучащей мелодии. "Лёли-лёли-лей" - первое, что донеслось до них при появлении инопланетянина около их корабля.

- Слышите, поёт! Лёли-лёли-лей, - повторила Вира.

При этом бледно-голубые кольца инопланетянина ярко заалели.

- Он понял меня! Я его окликнула и он отозвался! - закричала она. - Лёлий, Лёлий! - более энергично позвала девушка.

Звучание слова всем понравилось и с тех пор нового знакомого так и стали звать на "Клёне" - Лёлий. И даже более по-дружески - Лёлик.

Лёлик и не сопротивлялся, когда его позвали с собой неизвестные ему пришельцы. Видимо он был чрезвычайно любопытен или преследовал какую-то иную, свою, цель. Он быстро освоился с экипажем, и с ним оказалось приятно общаться. Он где-то даже обладал земным остроумием.

Более всего Лёлий привязался к контактёру Вирии Дельмонг. Вирия была очень добрым, мягким, душевным человеком. Все окружающие её люди чувствовали себя с ней очень легко. Эти качества, как считали её друзья, являлись немаловажными в её работе по контактам с представителями других миров.

- Берегись, Вира, вдруг влюбишься в тебя абориген какой-нибудь планеты и заберет с собой. Придётся тебе навсегда покинуть родную Землю и переселиться туда, - шутил навигатор Александр Лоре.

* * *

Вира имела не только замечательные качества души, она была и красива. Длинные светло-каштановые волосы вились вдоль маленького приятного личика, опускались на плечи. Лётный комбинезон придавал её невысокой, хрупкой, стройной фигурке какую-то особую лёгкость. Она и в институт космоса пошла из-за детской симпатии к форме астролетчиков. Но теперь, получив специальность контактёра, не представляла себе жизни вне космоса и с ужасом думала о том, что было бы, избери она другую профессию. Изучение внеземных цивилизаций составляло теперь цель её жизни.

У Вирии были необычные, чистой синевы глаза, такие синие, какие вряд ли у кого еще можно встретить. Шурик Лоре не уставал восторгаться ими. Он даже написал такие строки:

Не сравнится море, не сравнится небо,

Не сравнится вешняя краса.

Такого цвета в целом мире нету

Как нашей Виры чудные глаза.

Вира Дельмонг родилась на берегу Средиземного моря, когда её мать работала там в экспедиции. Отец, эпидемиолог по специальности, очень решительный и энергичный человек, не дав опомниться молодой практикантке, приехавшей с севера, уговорил выйти за себя замуж. Он занимался исследованиями

в области неизвестных болезней, весьма интересовался возможными инфекциями на планетах других звёздных систем. Вира увлекалась его работами и это оказалось небесполезным для её будущей профессии. Характером же она походила на мать: спокойная, ласковая, безгранично верящая людям.

Вира давно не видела своих родителей, очень скучала и с нетерпением каждый раз ждала Звёздного Часа, чтобы поговорить с ними по межгалактической связи.

Космическими службами для всех кораблей были установлены определённые часы связи с Землёй, в течение которых сообщались наиболее важные, заслуживающие внимания, сведения иastrонавтам давалась возможность свидания с родными и друзьями. Это время называлось Звёздным Часом. "Клёну" на него отводился период с 20.00 до 21.00.

С коренными изменениями в области дальних космических полётов люди давно научились уравнивать земное время с временем на борту звездолётов, несущихся со скоростями, уже намного превышающими и скорость света.

Для Вирии этот Звёздный Час был единственным мостиком к семье. Уже несколько лет она летала на транспортниках и на Земле почти не бывала.

На "Клён" Вира попала недавно. Но теперь, после нескольких рейсов, он стал для неё родным домом. И она уже не мыслила себя без этого красавца звездолёта и его командира Германа Далинского. Приняв Виру в качестве знающего специалиста, командир очень помог ей первое время, когда было особенно трудно осваиваться с новыми обязанностями. Вира умела быть благодарной людям, крепко привязывалась к друзьям и теперь очень радовалась, что вместе с Далинским ей придётся работать на "Клёне" может быть всю свою жизнь.

Но "Клён" ей нравился ещё и потому, что командовал им этот человек. Только совсем недавно Вирия поняла, что она любит Германа Далинского. Любит очень сильно, как ей казалось. Это была её первая настоящая любовь. Она не могла еще полностью разобраться во всех своих чувствах и боялась признаться в этом даже самой себе.

Командир представлялся девушке очень смелым, мужественным человеком, благородным и сильным, на плечах которого лежала вся ответственность за корабль, за членов экипажа, за неё, Виру, и за выполнение поставленных задач; который умел находить выходы из, казалось бы, самых безвыходных ситуаций. Всегда немногословен, молчалив, часто задумчив, он редко улыбался. Но у него была обворожительная улыбка. Вообще, командир внешне немало привлекал Виру: высокий рост, бледное, с чёткими правильными чертами лицо, чёрные густые волосы с седыми прядями на висках, чёрные прямые брови и огромные выразительные тёмно-карие глаза. Вира всякий раз не могла оторваться от этих глаз. Невероятной глубины, они так пронизывали всё её существо, что ей становилось не по себе. Но за тяжёлыми веками с длинными чёрными ресницами в них чаще всего можно было прочесть грусть.

Вира знала, что Германи Далинскому около сорока лет, что он имел семью: жену и сына, и что жена оставила его недавно. Герман вместе с ней работал на исследовательском звездолёте. Они занимались изучением новых, только что

открытых галактик. Однажды, при анализе образцов, взятых на одной из планет, были допущены грубейшие ошибки, из-за которых сорвалось на длительный срок освоение. Виноваты ждало суровое наказание. В их число входила и жена Германа.

Далинский, чтобы как-то помочь ей, принял вину на себя. Жена не стала возражать и даже вроде обрадовалась этому. Она не огорчилась и когда мужу пришлось оставить исследовательские полёты, и, вроде бы, в самом деле поверила, что Герман виноват в их неудачах.

Далинский перевёлся на транспортник, редко стал бывать на Земле. Связаться с домом случалось нечасто. Жена избегала встреч с ним, видимо, они были ей неприятны. А потом, во время одного из Звёздных Часов, она сообщила Герману, что уходит от него. Он молча выслушал, не сказал ни слова. С тех пор они больше не виделись.

Сын Далинского работал монтажником на спутнике Юпитера. Он все время находился в недрах космического тела, и отец почти не мог общаться с ним. Поэтому в Звёздные Часы Герману устраивать свидания было не с кем. Он кратко сообщал все важные сведения, получал очередные задания и покидал узел связи, уходил в командный отсек или к себе, в помещение для отдыха.

На станциях Далинского считали опытным звездолётчиком и надёжным человеком. Знали, если летит Далинский, груз будет доставлен в срок и наилучшим образом. Только один раз он опоздал из-за поломки в корабле, которую пришлось устранять в полёте. Этот рейс чуть не оказался для него последним, но об этом так никто и не узнал.

Если было нужно, Герман без лишних слов выручал исследователей. Случись необходимость, в любую минуту мог помочь человеку. Но к людям он относился по-разному. Для друзей всегда находил нужные, добрые слова. Друзья его оставались друзьями на всю жизнь. Он не понимал дружбы периодами - сначала с одним, потом с другим. Слабость в людях Далинский умел прощать. У него самого бывали такие минуты, когда он срывался. Но Герману удавалось скрывать это от людей. Если же человек оказывался пустым и мелочным, способным предать во благо своей драгоценной шкуры, Герман замолкал, не пытаясь что-то говорить, объяснять ему. Он не мог найти слов для общения с такими людьми и просто уходил в сторону.

* * *

Вира и Александр радовались, что во время Звёздного Часа командир давал им полную свободу, как говорится, не стоял над душой. При нём они бы смущались, чувствовали себя скованно. Александр же изоощрялся как только мог в рассказах о своей лётной жизни, болтал без умолку, часто сильно приукрашивая события. Он слыл мастером на анекдоты и всякого рода шуточки.

Астронавигатор Александр Лоре был третьим членом экипажа "Клёна". Он только что закончил школу звездолётчиков и начал летать на этом корабле. Шурик с детства мечтал о космосе, о неизведанных галактических просторах, об открытиях новых миров, подвигах и опасностях. Он даже огорчился, попав на транспортник. Ему представились однообразные, нудные прогулки между давно изученными и освоенными звёздами. Никаких тебе приключений и неожиданностей.

Александр имел лёгкую, мечтательную натуру, постоянно придумывал разные истории и удивительные ситуации, главным участником которых был он сам.

Шурик мнил себя героем-первооткрывателем, командиром отважного звездолёта-первопроходца, несущегося к неизвестным далёким мирам, и что в него влюблены все женщины экипажа, а на земле его ждёт самая прекрасная девушка вселенной. Но, естественно, о своих мечтаниях он никому не рассказывал.

Только когда "Клён" обнаружил Феллу с её невиданной доселе жизнью, Шурик успокоился, и работа не стала выглядеть для него в таком мрачном свете. Тем более, что командир совсем не казался ему безразличным сухарём, интересующимся только банальными заботами об очередном рейсе и грузе. Лоре чувствовал в нём стремление к чему-то другому, более значительному. Что-то привлекало его в командире, в его задумчивости и уверенности в себе.

С появлением этого навигатора, на звездолёте сразу установилась атмосфера шуток и смеха. Он умел смеяться даже в самых серьёзных ситуациях.

У Александра были русые волосы и светло-серые с хитринкой глаза. Ещё Александр писал стихи. Он не знал, откуда у него эта способность. Она появилась недавно и стала потребностью и помощницей в его мечтах. Лоре сочинял стихи обо всём и по любому поводу. Щедро посвящал и дарил их своим друзьям. Но сочинял только для себя и для них, ни о чём более серьёзном даже не задумывался. Его стихи были открытые, порывистые, даже шальные, не всегда правильные. Он писал их почти за один присест и рассказывал в них о своих чувствах ко всему окружающему, раскрывал всю широту своей немного наивной и восторженной души. Только в стихах иногда можно было угадать, о чём он мечтает.

Став летать на "Клёне", Александр много стихов посвятил Вирии. Восторгался ею как отважной звездолётчицей и обаятельным человеком. С юмором относился к её профессии контактера.

Он влюбился в Виру с первого совместного полёта. Но он также знал о её любви к командиру и не претендовал ни на что, наоборот, помогал ей, сочувствовал, утешал. Она часто обращалась к нему за советами. Александр хотел только одного, чтобы Вире было хорошо.

С Лёликом у него сразу установились дружеские, даже панибратские отношения. Робость при общении с жителем другой цивилизации быстро исчезла из общительной души навигатора. Он считал, что, каким бы ни был инопланетянин, какой бы внешний вид не имел, всё равно в итоге это должно сводиться к понятию "ЧЕЛОВЕК" с большим разнообразием его отличительных черт.

- Все мы - жители вселенной, - объяснял он. - Во всех нас пересыпается одна и та же космическая пыль. Скоро мы все перемешаемся в галактических пространствах, как давно перемешались люди на нашем земном шарике.

* * *

"Клён" был уже далеко от родной солнечной системы. Каждый член экипажа ежедневно нёс свою службу: занимался повседневными делами, наблюдая за медленным изменением расположения созвездий.

Первое время полёта Лёлию категорически запрещалось покидать свой отсек, как это было в полёте с Феллы к Земле. Но сейчас вскоре ему разрешили выходить. И теперь он мог уже свободно разгуливать по всему звездолёту, немало мешая передвижению астронавтов. Так как, где появлялся Лёлий, там пройти становилось затруднительно. А сидеть на одном месте ему не нравилось. Это

оказался на удивление общительный пассажир, которого всё время тянуло к людям. Где был экипаж, там был и Лёлий.

Вот и сейчас он растянулся вдоль всего экрана переднего обзора и поблёскивал голубоватым светом в неярком освещении отсека отдыха. Можно было подумать, что Лёлик наблюдает за звёздным пространством.

- Посмотри сюда, Вира, - Александр показал на экран. - Видишь едва заметную неясную точку в правой стороне? Это Алансолярий.

- Скоро будем на месте. А то наш Лёлик, наверное, очень скучает по родине.

- Ещё несколько дней, и мы увидим свои старые следы в зелёной пыли Феллы. Интересно, узнала бы ты их? Я бы наверняка! Я отлично помню как топтался около того дурацкого камня, когда Лёлик загородил мне дорогу.

- Правда! Ты тогда здорово испугался, боялся даже близко подойти к нему. Но ты ещё был в лучшем положении, всё же предполагал встретить что-то необычное. А бедный Лёлик! Каково было ему, когда он увидел тебя на своей родной матушке-планете. Наверное, чуть с ума не сошёл. Правда, Лёлик?

Лёлик перекатился на середину комнаты и занял всё пространство от стены до стены.

- Не обольщайтесь, - раздалась мелодичная музыка. - В первый момент я вас вообще не воспринял как разумных существ и не обратил на вас никакого внимания. На нашей планете их появление было в принципе невозможно. А ваших следов на Фелле давным давно и след простыл. У нас бывают очень сильные бури, сметающие все начисто и перетряхивающие планету, как старый грязный половик.

- Ишь ты! Ничего, скоро мы оставим там много следов. В результате обмена дружескими визитами!

Свет в отсеке вспыхнул ярче, а экраны сначала потускнели, а затем совсем погасли. Вместо чёрных провалов появились стены комнаты.

В отсеке для отдыха было очень уютно. Кругом домашняя, привычная на Земле, обстановка. У входа висела картина с морским пейзажем. Лучи заходящего солнца заливали своим золотым светом берег моря. Эту картину повесила здесь Вира.

- Это место на Земле самое красивое? - спросил её Лёлий.

- Наверное нет, Лёлик, но это моя родина, и я сейчас от неё, как и ты от своей, очень далеко.

- Вира, а ты могла бы навсегда остаться здесь, в космосе, не возвращаться совсем на Землю? - Александр посмотрел на морской пейзаж. - Я бы смог. По моему, нет ничего прекраснее и таинственнее этого звёздного пространства, даже наша маленькая планета, на которой давно всё изучено. Скоро мы не будем считать своей Родиной какой-то клочок земли. Ею для нас станет вся вселенная.

- Нет, Шурик, человека всё равно всегда потянет к тому месту, где он появился на свет, где осталась его семья, куда он постоянно возвращается в своих воспоминаниях. Ты слышал что-нибудь о ностальгии... Но, ты знаешь, я бы осталась на всю жизнь в космосе. Я бы могла быть где угодно, лишь бы вместе с вами.

- Лишь бы вместе с Далинским, - хитро уточнил Александр.

- Да.

- Счастливый он человек. Его любит самая лучшая девушка Земли. Ах, если бы

меня так любили! Я бы, кажется, горы свернул... я бы ночь в день превратил... я бы новую звезду зажег...

- Шурочка, милый, он мне дороже всех. Я бы не смогла теперь дня прожить на Земле, если его там нет. Без Германа мне Земля кажется какой-то пустой. Я бы жизнь отдала за него, не задумываясь. А тебя, Шурик, полюбит самая лучшая девушка, я тебе обещаю.

- Не обещай. Не полюбит.

- Навигатора Лоре в командный отсек, - раздалось в динамике внутренней связи.

- Командир вызывает, - Александр выбежал из комнаты.

* * *

Командный отсек располагался в носу звездолёта и представлял собой сложнейшую систему автоматики. Пульт управления, состоящий из всевозможных дисплеев с цифрами и диаграммами, тянулся вдоль всех стен, абсолютно прозрачных для находящихся внутри корабля и абсолютно глухих для наружного наблюдателя. Около пульта стояли удобные кресла. Перед стеной центрального обзора на командирском месте сидел Герман Далинский. На первый взгляд, он выглядел здесь совсем ненужным, лишним, потому что весь огромный пульт управления кораблём жил своей самостоятельной жизнью и выполнял, казалось, то, что сам считал необходимым.

Когда Александр вошёл, Герман сосредоточенно изучал навигационную карту, иногда внимательно вглядываясь в пространство космоса на пути "Клёна", где слабо мерцал Алансолярий.

- Вызывали, Герман Мстиславович?

- Шурик, дай мне, пожалуйста, навигационные расчёты и чертежи. Звёздочка Лёлика уже сияет на горизонте, - кивнул на экран Далинский.

- Приближаемся.

- Давай проверим ещё раз маршрут и схемы посадки.

Они склонились над электронными графиками и картами.

- Как там Лёлик? - спросил Герман. - На время снижения его надо будет, на всякий случай, отправить в консервационный отсек. Кто знает, как будет проходить посадка и что мы встретим на сей раз на их планете.

- С ним Вира. Он не отходит от неё ни на шаг. Она проводит с Лёликом больше времени, чем с нами. Я начинаю уже ревновать, - притворился возмущившимся Александр.

- Он среди нас, как ребёнок, Шурик. К тому же наш гость, - говоря, командир приготовил графики для сверки с картой. - Хороший Вира контактёр. Я мечтал о таком.

- Я тоже, - Александр включил дисплей со схемой.

Передвигая дисплей поближе, Далинский взглянул на навигатора. В глубине его бездонных карих глаз вспыхнули искорки улыбки.

- Ты, кажется, написал о ней стихи? - спросил он.

- Это ещё после первого полёта. Хотите, прочту? - Шурик откинулся в кресле.

Есть среди звёзд бесконечных и разных,

Светящих в холодном бездушном пространстве,
Одна с настоящей горячей душой.
И эта звезда постоянно со мной.

Она, как маяк, в этом космосе вечном,
Как светоч, во времени столь быстротечном -
Лихой астронавт среди звёздного мира,
Прекрасная девушка с именем Вира.

Добрые руки, отважное сердце.
Мечтая о космосе с раннего детства,
"Летать мне на звёзды", - она так сказала.
И вот контактёром та девушка стала.

Разумную жизнь на планетах встречает.
Любовью на ласку ей там отвечают.
Летает на "Клёне" среди станций межзвёздных.
Товарищ надёжный в работе серьёзной.

Как вы б ни искали на всём белом свете,
Но лучше её никого вам не встретить.
Я счастлив, что с нею работаю рядом,
Мы связаны вместе единым отрядом.

Я б песню о ней непременно сложил
И лишь для неё во вселенной бы жил...

- Неужели бы ты обо мне песню сложил, Шурик? - в дверях командного отсека появилась Вира. Следом за ней протиснулся Лёлик, подкатился к пульту и, забравшись в кресло, по-хозяйски расположился в нём.

- Хорош гусь, мог бы даме место уступить, - проворчал Александр.

- Ну что ты, Шурик, пусть сидит, как тебе не стыдно, - поспешно оборвала его Вира.

Она отошла от кресла и села прямо на столик соседнего пульта, рядом с командиром. Губы её непроизвольно расплзались в улыбке. Вира всегда улыбалась, когда мыслями обращалась к чему-нибудь приятному. Здесь, на звездолёте, её часто можно было заметить улыбающейся, так как она постоянно думала о Германе. Находясь рядом с ним, она была счастлива просто потому, что видит его. И сейчас, когда огромные глаза командира были так близко перед ней, никак не могла сдержать улыбку на своих непослушных губах.

- Что такое "гусь"? - невозмутимо прозвенел Лёлик.

- Ну... это такая земная птица... с перьями, - попытался объяснить навигатор.

- Но на мне же нет ваших перьев? - искренне недоумевал житель Феллы.

- Не слушай ты его, Лёлик, - примирительно произнесла Вира. - Он любого может назвать всем, чем угодно. Он у нас с приветом.

- А где у него этот привет? - заёрзал в кресле совсем сбитый с толку Лёлий.

У Виры сделалось такое растерянное лицо, что все дружно захохотали.

- Да, Александр, поэт ты хороший, а вот Лёлика от гуса отличить не можешь. Как же это ты так? - смеясь, проговорил командир. - И привет свой прячешь от всех. Ну, а стихи, в самом деле, замечательные. Правда, Вира? Прочти ей ещё раз, - обратился он к навигатору. - Сочини что-нибудь и об этом нашем путешествии, о Лёлике, о Фелле. Можешь вести летопись наших полётов в стихах, вроде дневника. А, Шурик? нам вместе теперь летать и летать, жить одной семьёй, работать и открывать новые тайны вселенной. Без нас ни одно исследование не обойдётся. Правда! Мы с вами столько дел наворотим, горы свернём. Честное слово, я рад, что вы оказались со мной, что именно вас направили на "Клён". О, - он взглянул на часы, - пойдёте в узел связи. Время. Скоро начнётся Звёздный Час.

* * *

Первым в кресло для переговоров сел Далинский. За день накопилась масса сведений для передачи на Землю, кое-какие вопросы и справки. Нужно было сообщить о корректировке траектории движения к показавшемуся Алансолярию и условий посадки. Матовый экран, готовый вспыхнуть через несколько минут, притягивал к себе нетерпеливые взоры Виры и Александра, пристроившихся сзади кресла. На стене горело световое табло часов, которые начнут сейчас отсчёт такого желанного и такого короткого Звёздного Часа.

И вот на экране появился наземный Центр связи, с которым вёл свои переговоры "Клён". Экипаж внимательно, с интересом следил за тем, как командир проводил сеанс. Он конкретно и чётко докладывал суть дела, без лишних эмоций выслушивал все данные с Земли, почти сразу, тут же принимал необходимые решения и сообщал на Землю. Закончив, Далинский попрощался и встал с кресла, освобождая его для Вирии. Она от нетерпения чуть не бегом кинулась туда. Герман улыбнулся, наблюдая, как она поудобней устраивается в нём на свои двадцать минут свидания с домом, и тихонько вышел из отсека, направился к себе.

Командир вошёл в свою комнату и, почти не включая освещения, прилёг на диван. Он часто отдыхал вот так, лёжа в полутьме с открытыми глазами, расслабившись, не заставляя себя ни о чём думать. Над головой, свешиваясь с потолка, слегка раскачивался забавный чёртик, сделанный из какого-то недавно открытого материала, названия которого Герман и не знал. Эту игрушку подарила ему жена, ещё когда они летали вместе. Далинский хранил её, как талисман. Теперь он расстался с женой, а чёртик всё также болтался на ниточке в его комнате. Это была не память о жене, а просто Герман верил, сам не зная почему, в якобы существующую таинственную силу талисмана. С ним он не расставался ни в одном полёте.

Как могла получиться такая нелепая история в его жизни, думал Герман, наблюдая за чёртиком, медленно поворачивающимся в воздухе. Он уже не в первый раз задавал себе этот вопрос и никак не мог найти удовлетворяющего себя ответа. Как могло произойти то, что его жена, его друг, которую он знал, казалось бы, до мельчайшей чёрточки, с которой они так хорошо понимали друг друга, оказалась способной совершить подлость, предать дружбу, любовь, опуститься до малодушия? Неужели он, так хорошо разбирающийся в людях, за всю их

совместную жизнь не смог разглядеть в ней этих качеств! Или они появились теперь? Но отчего? Герман во всём винил себя. Он считал, что сам виноват больше всего, потому что как-то не поговорил с женой, не удержал её. Им в то время полностью, беспредельно, овладела гордость.

"А может быть она всегда была такой? - он стал припоминать все подробности их жизни. - Я просто не замечал, не хотел ничего замечать, слишком любил её".

Герман снова и снова вспоминал всё, что было прожито. Но видеть жену он больше не хотел.

"Каким же вырастет наш сын? Он уже стал таким самостоятельным, работает. Как давно я его не видел."

Далинский с грустью подумал о том, что даже Звёздные Часы, способные подарить встречу с человеком, находящимся в любой точке Солнечной системы, не могут помочь ему повидаться с сыном. Он опять вспомнил, как по-детски Вира кинулась к экрану видеосвязи, на котором должны были появиться её родные. "Счастливая. Я уверен, она сейчас болтает о совершеннейших пустяках, а потом будет жалеть, что не поговорила о главном. Они с Александром совсем не умеют анализировать свои мысли, отбирать основное, полностью использовать отведённое им время на самое необходимое, укладываться в жёсткие временные рамки. Ничего. Со временем научатся. Им ещё многому придётся научиться, набраться опыта. Все-таки быть звездолётчиком - не цветочки разводить, хоть и летаешь ты всего-навсего на транспортнике. Каким несмышлёнышем пришла ко мне Вира, как трудно ей было первое время, меня она, кажется, даже немного побаивалась. Не сразу удалось приручить её. А сейчас она лучший мой друг и помощник... Неужели? По-моему, она в меня влюблена. Нет, я не ошибаюсь. Мне кажется, я читаю в её глазах нечто большее, чем просто привязанность товарища по работе... в её странных прозрачно-голубых глазах. Да, глаза её, действительно, необычные, прав Шурик. Бедняга! Вот он определённо её любит, а она как не замечает этого. Милая девушка, что она во мне нашла? Угрюмый, уже немолодой тип, которому и место-то нашлось только здесь, в пустом пространстве между тем и этим, и никто его не ждёт, у которого нет ни одной души на Земле, кто бы постоянно думал о нём. Куда мне до этого доброго весельчака Александра Лоре, до его молодости и энергии. И стихи я писать не умею. А Вира вот другая. Она ещё очень молода, но уже хорошо разбирается в жизни, в людях. Удивительная душа у этой девочки, открытая, чистая, нет ни тени затаённой мелочности, равнодушия. Моя жена могла хорошо относиться к человеку, а в душе таить какую-то горечь от старых, не совсем тактичных его поступков и при любом удобном случае, в дружеской беседе, язвительно напомнить небрежно брошенной фразой о какой-нибудь его неприятной черте, выражая этим всю свою злобу. Вира же глубоко дружески относится только к тем людям, которые ей во всём нравятся. Если человек чем-то не по душе, она ни за что не станет поддерживать с ним дружбы. Вира не таит, не копит в сердце злости. Она не станет делать из человека мишени, чтобы потом больно уколоть в самое сердце и выбросить из своей жизни за ненадобностью. Неужели Вира, действительно, меня любит? Как пусто и одиноко было на душе, а теперь она рядом, и снова появился интерес жить. Она внесла что-то особенное в

окружающий меня мир. Всё-таки человеку очень важно знать, что он кому-нибудь нужен."

* * *

Время подходило к 21.00, заканчивалась двадцатиминутка Александра. С экрана на Лоре смотрел солидный, представительный мужчина с русой бородкой и такими же серыми, как у Шурика, глазами, в которых под напускной строгостью светилась неподдельная гордость за своего взбаламошного сына, ставшего звездолётчиком. Александр, наконец-то, дождался связи с отцом, который последнее время был очень занят. Он рассказывал о своих делах, знакомил его с Вирой. Вира, немного смущаясь, сидела рядом и незаметно подталкивала навигатора, чтобы тот перестал её слишком расхваливать.

- Когда мы вернёмся из этого рейса, я обязательно приглашу Виру к нам, - Александр весело взглянул на отца. - Вира, ты поедешь в Индию? Мы живём на Коромандельском берегу. Мой отец там руководит великолепным домом отдыха для работающих подолгу в космосе. Я познакомлю тебя с моей мамой. Она очень хороший человек.

- Хорошо, только приглашай тогда уж и командира.

- Приезжайте всем экипажем, - поддержал её отец Шурика. - Мы будем ждать.

- До скорой встречи, отец, - Лоре посмотрел, сколько осталось времени. - Не пропадай надолго. Я буду тебя запрашивать в Звёздные Часы.

На табло загорелось 21.00 и экран погас. У Шурика и Виры, как всегда после встречи с родными, было хорошее настроение.

- А правда, Вира, поедем к нам! Я покажу вам Индию. Уверен, ты не была в ней ни разу. Моему отцу, как члену Совета по организации отдыха населения Земли и её гостей, пришлось поселиться там, где создавался новый курорт, потому что было много сложностей с его устройством. С тех пор мы так и живём в этой удивительной стране. Ты бы посмотрела, какая там природа! А какой воздух над Бенгальским заливом! Нет, я, честное слово, до сих пор не видел ничего подобного.

Умытое морем, в лазурном сияньи
 Лучи поднимает в прозрачную высь
 Огромное солнце, и с берега пальмы
 Приветствуют утра рождённого жизнь.

* * *

Приближалось время заступать Вирии на дежурство, а Александр рассказывал и рассказывал ей об Индии, о море, о доме отдыха, об отце и своей жизни там. Говорил увлечённо, размахивая руками и артистично помогая себе мимикой. Ему нравилось разговаривать с Вирой, особенно рассказывать ей что-нибудь. Она обладала удивительной способностью слушать собеседника. Лицо у неё всегда выражало интерес к тому, о чём шла речь. Она с готовностью отвечала рассказчику, если он обращался к ней. Никогда не перебивала и непременно дослушивала до конца, даже если было неинтересно или не терпелось что-то добавить самой.

- В следующую встречу с отцом договорюсь, когда нам лучше приехать, - закончил свой рассказ Шурик, вспомнив, что Вире пора идти. - Послушай, а почему командир никогда не остаётся с нами на Звёздный Час? Неужели он думает, что помешает нам?

- Не знаю. Не хочет нас стеснять. А может быть, ему тяжело, наблюдая за нами, снова возвращаться к своему семейному прошлому.

- Что, у него нет друзей, с которыми он мог бы побеседовать, которые были бы рады встретиться с ним?

- Есть друзья. Я видела некоторых из них. Ты знаешь, они очень дорожат дружбой с Далинским. Я много слышала о нём от его товарищей. Один, который ещё раньше летал с Германом, восхищался его талантом звездолётчика, называл "асом". Он мне рассказывал, как однажды необходимо было срочно вывезти больного экспедитора с планеты, оказавшейся в непредвиденно тяжёлых условиях из-за метеоритных ливней. И Далинский так ювелирно прошёл сквозь уничтожающий все "дождик", не получив ни одной пробоины, что долго потом все удивлялись, не могли понять, как ему это удалось.

- А метеоритная защита?

- В той полосе тогда были необычайные по своей природе ливни, и наша защита оказалась не очень действенной.

- Слушай, вот это да! Действительно, здорово! Но ведь это невозможно! Невозможно без защиты. Каким надо быть, чтобы вот так, запросто!

- Да уж, наверное, не запросто.

- Как я мало знаю о командире! - с сожалением воскликнул Александр. - Он никогда ничего о себе не рассказывает. Правда, что его называют легендарной личностью?

Вира сидела в кресле, опустив глаза, перебирая записи и схемы, которые совсем недавно держал в своих руках Герман, разговаривая с Землёй.

- Вира, хочешь, я расскажу Далинскому, хотя бы намекну, о твоих чувствах к нему? - вдруг произнёс Шурик.

- Ты с ума сошёл! Что ты! - испугалась она. - Никогда, никогда я не решусь открыться ему.

- Но ведь это не ты, а я скажу. Он будет знать и по-другому к тебе относиться. Вот увидишь.

Вирия отчаянно замотала головой, не находя больше слов для выражения своих чувств. Ей хотелось и не хотелось, чтобы Герман узнал обо всём. Она жалобно посмотрела в глаза Шурику, глубоко вздохнула и поднялась, собираясь уходить.

- Хочешь, я сегодня с тобой отдежурю на пульте? - кинулся за ней Александр. - Хочешь? Мне все равно надо делать расчёты по стыковкам космических тел в районе Алансолярия.

* * *

А Алансолярий жил своей бурной жизнью, во многом похожей на жизнь Солнца. Жила своей жизнью таинственная, пока совсем не доступная земному пониманию, изумрудная Фелла. И дорогая человеческому сердцу колыбель - Земля, к которой, сколько бы ни покидали её, навсегда привязаны люди невероятной прочности нитями сыновней любви и преданности, тоже продолжала кружить среди

звезд, но уже не замыкаясь в своём узком орбитальном мирке, а думая о всей вселенной, об этой, такой далёкой планетке Фелле и о космическом корабле "Клёне" - единственной сейчас связи с Феллой. На Земле очень внимательно следили за продвижением звездолёта, за возвращением домой странного существа по имени Лёлий. Население планеты регулярно информировалось о всех событиях, о состоянии пассажира "Клёна" и его поведении.

У Виры было много работы. Она постоянно поддерживала связь с земными исследовательскими объединениями, которые обрабатывали поступающие от неё новые сведения об инопланетянине и сообщали ей необходимые данные для наблюдения и изучения.

Случаев понаблюдать Вире представлялось более чем достаточно. Космический звездолёт - необычные условия для существования Лёлия, ежечасно преподносящие ему непривычные, даже опасные или, наоборот, комические ситуации. Он то оказывался в самых неподходящих местах, чем немало затруднял работу экипажа, то терял точки опоры и проваливался куда-нибудь, попадал в "лапы" автоматов, как рыба на крючок, откуда приходилось его освобождать.

Однажды Александр проверял работу двигателей корабля по экрану-схеме, где за прозрачным стеклом находился в уменьшенном масштабе весь настоящий рабочий узел со всеми механизмами и приборами. А на стекле условными линиями обозначались существующие между ними соединения и коммуникации. Видно было, как работал каждый агрегат и как осуществлялась связь его с соседним. По этой схеме легко можно было определить, в каком состоянии двигатели, и легко обнаруживалась любая неисправность без доступа к рабочей зоне.

Вдруг навигатору показалось, что в правом отсеке реактора зажёгся красный свет. Вспыхнула сигнальная лампочка аварийной ситуации.

- Внимание! Правый двигательный отсек! Авария! - моментально среагировал он.

Экипаж кинулся к двигателю. И что обнаружилось? Рядом со спокойно работающим реактором самодовольно расположился любопытный Лёлик и с наслаждением вдыхал отравленный ядовитыми парами, смертельный для всего живого воздух, источая всеми своими кольцами красноватый пульсирующий свет. Все остолбенели от неожиданности. Понадобилось немало времени, чтобы прийти в себя.

- Лёличек, а синильную кислоту не хочешь попробовать? - участливо предложил Шурик.

Никак не могли понять, каким образом ему удалось проникнуть в абсолютно герметичную зону, пока он сам кое-как всё не объяснил. Оказалось, что Лёлий увязался за Вирой и Шуриком, когда те направлялись в помещение обслуживания двигателей. Они сняли защиту, вошли и просто захлопнули дверь на автоматический замок. А Лёлик не согласился с тем, что его оставили на другой стороне и, не долго думая, протиснулся в щель шириной миллиметра в два. Незаметно он оказался в реакторном отсеке и задержался там, увлечённый грандиозным зрелищем. Навигатор и контактёр не могли даже предположить ничего подобного и, выходя, спокойно включили герметизацию. Так что Лёлику не удалось вернуться назад тем же путём. Просидел он там не так уж и долго, но ему вдруг захотелось подышать. В

это время его и заметил на экране-схеме Александр.

Для всех явилась более чем неожиданной такая способность жителя Феллы спокойно существовать в любой, абсолютно любой атмосфере. Фелляне не могли жить только в вакууме. И ещё одно свойство организма Лёлика открылось в этом полёте во время одного забавного случая, который произошёл на глазах экипажа и заставил всех изрядно поволноваться за пассажира.

Как-то раз Лёлий двигался вдоль отсека, по-своему обыкновенно касаясь стен. И вдруг с одной стороны он не ощутил опоры. Нет, стена была на месте, как и раньше, но для бедного Лёлика она оказалась неосязаемой. Как раз там, где он очутился, в нише находился блок аварийной подстанции очень высокого напряжения, и стена представляла собой своеобразную ширму, которую при необходимости легко можно было разрушить, чтобы подобраться к блоку. Эта самая ширма была совсем невесома и незаметной на ощупь. И Лёлий, пытаясь нащупать стену, стал вытягивать свои кольца, сломал ширму и тянулся всё дальше и дальше вглубь ниши, к блоку. Никто не успел ни о чём догадаться, как он коснулся клемм на щитке. В эту же секунду всем показалось, что сейчас должна возникнуть гигантская вспышка короткого замыкания. Блестящие кольца вызвали ассоциацию прикосновения к щитку металлического предмета. Несчастному Лёлику пришёл конец. Ни одно живое существо не способно выдержать такого электроудара. Но шли секунды, Лёлий как ни в чём не бывало выкарабкался из ниши на ровную стенку и двигался дальше, оставив позади изумлённых астронавтов.

Вире пришлось заняться и этим случаем, провести кое-какие опыты с электрическим током. Непонятный организм жителя Феллы был абсолютно лишён электропроводности.

* * *

После подобных курьёзов Лёлика на всякий случай стали опасаться оставлять одного и ограничили ему свободу разгуливания по отсекам "Клёна". Только вчера Вирия весь день продержала гостя в консервационном отсеке, наблюдая за его реакцией на резкое искусственно созданное изменение окружающей среды. А сегодня с утра анализировала итоги и готовила материал к Звёздному Часу для передачи на Землю. Теперь она, перед свиданием с родными, вместе с командиром отчитывалась о прожитом дне. К каждому вечеру ей приходилось составлять чёткую сводку сведений. Это отнимало у неё немало времени. Она делала и переделывала снова, пока сообщение не принимало нужную форму, зачастую не без помощи Далинского.

Вира торопилась закончить и немного отдохнуть.

"Александр наверняка сейчас дрыхнет в своём отсеке и видит во сне какую-нибудь таинственную планету, вроде тех, которые у него в коллекции на фотографиях. Где он только их насобирает? Целый фотоблокнот. Я о таких никогда и не слышала."

Но Шурик не спал. Его мысли были всецело погружены в нелёгкую творческую работу. Он сочинял. Александр решил написать поэму об этом их полёте, о "Клёне" и его экипаже, О Лёлике. Ему понравилось предложение командира вести в стихах летопись их путешествий и работы. Уже довольно долго он мучился над началом. У него ничего не получалось, вернее, получалось не так,

как он хотел.

Всё, что было написано - не нравилось.

Шурик недовольно отодвинулся от стола и уставился в экран переднего обзора. Прямо по курсу сиял Алансолярый. Он уже сильно увеличился в своих размерах. Шурик некоторое время тупо смотрел на него. Тут ему показалось, что Алансолярый стал каким-то не таким, немного странным на вид.

"Что это с ним?" - удивлённо подумал он.

Круглый диск звезды смотрел в правый верхний угол Шуриного экрана не голубым, как прежде, а ярко-фиолетовым глазом. Да и все звёзды вокруг тоже начали принимать тот же оттенок.

"Покраснели от смущения", - усмехнулся Александр и снова принялся за поэму.

Вира в это время тоже заметила изменение цвета звёздного ландшафта.

"Какие-нибудь вихревые потоки заслонили Алансолярый от звездолёта, - подумала она. - А может это новая интересная особенность звезды? Надо спросить у Лёлика. Бедному Лёлику начинает надоедать наше пристальное внимание, скоро он начнёт сопротивляться. Это точно, - улыбнувшись, Вира вздохнула, глядя на свой незаконченный отчёт. - Нет, всё-таки придётся идти за помощью к Герману."

* * *

- Что за чёрт! - пытался разобраться в странном поведении звёзд дежуривший на пульте Далинский.

Вот уже скоро час, как Алансолярый начал менять цвет. Герман внимательно следил за приборами, которые непременно должны чутко отмечать все изменения космического пространства вокруг "Клёна", но не находил ничего, что заслуживало бы внимания. Теперь звёзды приняли явно ярко-фиолетовый цвет, а приборы по-прежнему молчали. Герман пытался понять, что бы это такое могло быть. Он перебирал в памяти все известные ему случаи, которые в состоянии хоть как-то прояснить дело.

"Скорее всего тут одно из бесчисленных космических излучений. Но почему не реагируют приборы? А, в конце концов, у корабля надёжная внешняя защита. Может быть именно из-за неё на приборах нет реакции на какие-нибудь очень слабые лучи. Как нужны бы сейчас датчики на наружной стороне защиты. Несправедливо, что их нет на транспортниках "Зодиака". Вводятся они пока только на новейших исследовательских звездолётах дальнего следования."

Он ещё раз внимательно пробежал глазами по всем приборам. И всё-таки ему не давал покоя этот странный очень красивый фиолетовый оттенок светил в центральном экране. Для собственного успокоения, желая взглянуть на нормальный, естественный блеск звёзд, Герман повернулся к экрану заднего обзора, где должно было сиять среди звёздной дали далёкое родное Солнце, и вдруг обнаружил, что и там всё пространство также затягивалось фиолетовой пеленой. Солнце, такое привычное, знакомое стало совсем непохожим. Тоже самое было и в экранах бокового обзора. Калейдоскоп разноцветных огоньков звёзд на фоне непроницаемой черноты сменился одним невыносимо ярким цветом. Всё это создавало жуткое впечатление. Сверкающий нос "Клёна" тоже неотвратимо начал излучать пресловутый фиолетовый свет. Герман понял, что они сейчас находятся в

центре каких-то лучевых межзвёздных потоков.

Прошло ещё несколько томительных минут. "Почему молчат приборы?!" - едва успел подумать в сильном возбуждении Далинский, как индикаторы сдвинулись с нулевой отметки. Ещё мгновение, и с приборами вдруг произошло что-то неладное. Стрелки, молниеносно перескочив красную черту предела безопасности, дико заплясали у верхней границы шкал, а затем, наглухо зашкалив, замерли, показывая смертельные дозы излучения, проникшие внутрь звездолёта.

- Членам экипажа немедленно включить общую защиту помещений корабля и быстро явиться на пульт управления, захватив с собой автономные защитные аппараты и скафандры, - мгновенно передал Герман по внутренней связи, подсознательно оценив ситуацию, хотя не успел ещё ничего толком решить для себя.

Услышав такое сообщение командира, Вира и Александр выскочили из отсеков. Шурик, замкнув рубильники на щитках, кинулся на пульт. По узкому пространству коридора, растянувшись от стенки к стенке, медленно перекачивался Лёлик.

- Только тебя тут не хватало! - навигатор с разбега перепрыгнул через феллянина. - Уж прости, друг! Вира, скорее его в отсек... запри... включи необходимые параметры!

Стрелки индикаторов больше не шевелились, угрожающе поблёскивая светящимися контурами. Это означало, что странное излучение, так внезапно встретившееся на пути "Клёна" и окрасившее пространство в фиолетовый цвет - неизвестное до сих пор порождение космоса, очень сильное - было убийственным для всего живого. Против него оказалась слабой даже практически непроницаемая внешняя защита.

"Всё чаще и чаще мы сталкиваемся в космосе с такими явлениями, от которых эта, считающаяся универсальной, созданная гениальными учёными, система не в силах спасти. Надо, непременно надо что-то менять в ней, и в самом скором времени. Космос всё чаще преподносит сюрпризы", - как-то отвлечённо подумал Герман. Он не мог отвести глаз от дурацкой стрелки, упрямо впившейся в ограничитель шкалы, и никакой силой, казалось, нельзя было сдвинуть её с места.

"Значит мы уже несколько минут подвергаемся воздействию лучей, даже мгновенное соприкосновение с которыми вызовет смерть. Мы беззащитны перед ними. Все меры, какие бы мы теперь ни предприняли, уже бесполезны. "Клён" насквозь пропитан губительным ядом. Наши организмы безвозвратно поражены. Это конец."

Холодный пот выступил на лбу Германа. Удушливая волна перехватила дыхание. Бледное лицо его стало совсем белым, как мел. В оцепенении он с трудом повернул голову на донёсшийся до его сознания звук сигнального звонка, который уже давно дребезжал у входа в отсек, мигая красными лампочками и запоздало предупреждая об опасности.

"Что же теперь делать?.. Что будет дальше?.. Всё уже не имеет смысла!.. Нет, надо что-то предпринять. Сейчас "Клён" представляет собой такую же смертельную опасность для всего живого как сама полоса излучения. Продолжая свой путь, он понесёт дальше в космос лучи, которые будут теперь исходить от него самого. Он

будет заражать всё на своём пути, а наши корабли не смогут даже вовремя определить опасность, их подстерегающую... Остановить звездолёт. Немедленно остановиться и уничтожить себя, - рука Германа легла на ключ тормозного устройства. - А Лёлик? Ведь он-то не подвергнулся излучению, вернее, оно на него не повлияло! - вдруг вспомнил Далинский. - Он имеет полное право вернуться на свою планету. И мы должны его доставить туда. У нас нет никаких прав лишать его жизни."

Герман остановился в нерешительности. Его холодные, как лёд, пальцы замерли на рычаге управления "Клёном". Должно быть первый раз за всё время он не знал как поступить.

В дверях отсека показались удивлённые, встревоженные лица Александра и Вири.

- Что случилось? Космическое излучение? - их взгляды упали на индикаторы, и от ужаса волосы зашевелились у них на головах.

- Спокойно! Идите сюда, - Герман выключил раздражающие сигналы грозящей опасности. - Снимите показания приборов и подготовьтесь к передаче обо всём случившемся на Землю. Я думаю, вам всё ясно. Сейчас мы представляем для всех неминуемую гибель. Я принял такое решение: сообщить наши координаты и ту опасность, которую несёт фиолетовый туман и теперь уже и мы, чтобы остерегались встречи с нами, запретили появление кого-либо в этом районе. Затем продолжать следовать к Фелле, произвести посадку, посадить там пассажира. Феллянам мы ничем не грозим. На этом наша миссия будет окончена. Далее... далее "Клён" прекратит своё существование. Всё ясно?

Вири и Шурик молча смотрели на командира. Синие глаза Вири потемнели. Понимая, что надо чем-то заняться и глядя на спокойное бледное лицо Далинского, который готовил внеочередную связь с Землёй, она принялась изучать приборы. Все датчики упорно показывали одно и то же.

- Может быть они испортились? Такое сильное зашкаливание вполне могло вывести их из строя, - неуверенно предположил Александр. - Пойду посмотрю дублирующую систему. Вдруг там что-нибудь изменилось.

Через некоторое время он появился с лицом, выражающим какое-то тревожное недоумение.

- Там... индикатор возможной опасности для живого организма... на нуле... совсем. Совсем! То есть, вообще не двигался! Не отмечалось страгивание с места. Что это?

- Может он испорчен был?

- Нет, работает, я проверил.

Все кинулись к дублёру. Так и есть. На нуле. А на пульте он зашкалил до упора. Чему же верить?

- Подождите, спокойно, надо разобраться, - остановил Герман, не знающего что еще предпринять астронавигатора. - На пульте датчик работает в паре с ещё одним для сокращения времени реагирования, а на дублёре отдельно...

- Неужели второй датчик заставил его изменить показания и совершить ошибку? А на тот, другой, ничего не влияло и поэтому... - вскочила Вири.

- Это надо ещё проверить, хотя всё может быть. Неизвестно, что вообще

случилось со всеми приборами. Почему они так взбесились? - Далинский ещё раз убедился в исправности прибора. - Вира, возьми немедленно пробу воздуха и предметов на облучённость.

Контактёр помчалась делать анализы.

- Герман Мстиславович, может так быть, что мы вне опасности? - с надеждой взглянул на командира Александр.

- Не знаю, Шура, не знаю. Следи внимательней за пультом, - положил ему на плечо свою руку Далинский, заметив, как слегка подрагивают от волнения пальцы навигатора, переключаящие тумблеры. - Всё бывало в нашей жизни, - неопределённо добавил он.

Страшно долго тянулось время, но вот, наконец, появилась Вира.

- Герман! Шурик! - ворвалась она в отсек, роняя по дороге бланки с ответами на анализы. - Нету! Ничего нету! Чисто! Чест-но-е слово!

Вира обеими руками протягивала результаты проб. Мохнатые ресницы её чуть-чуть дрожали. На них блестели капельки пота, выступившие от невероятной сосредоточенности. Всё её лицо светилось таким счастьем, такой безумной радостью, что Шурик и командир, вскочив с места, кинулись ей навстречу. Вира, зажмурив глаза, упала на грудь Германа. Он стиснул её в объятьях:

- Спасибо тебе. Молодчина. Умница моя.

Как будто от неё и только от неё зависела их жизнь.

Подняв голову девушки, он поцеловал её. У Виры перехватило дыхание. Она покраснела от неожиданности и смущённо отошла от Далинского. На неё набросился Шурик и начал трепать за плечи и тоже целовать без всякого стеснения:

- Вирочка, милая, если бы не ты, что бы с нами было?

Вира, отбиваясь от него, пыталась возражать.

- При чём тут я? Ты же первым обнаружил несоответствие на дублёре. Это ты нас спас.

- Вот это, да! - оставил, наконец, её в покое Александр. - Значит это излучение совсем безвредное. А если бы оно не было таким безобидным? Почему мы оказались совершенно беззащитны в данной ситуации?

- Надо предупредить по всем каналам связи о месте его сосредоточения, - произнёс Далинский. Он вдруг почувствовал в ногах такую слабость, что, не в силах больше стоять, опустился в кресло. Взглянул ещё раз на результаты проб; на индикаторы, стрелки которых понемногу начали обратный путь ("Клён", видимо, покидал зону лучей); на усталые, счастливые лица экипажа и вдруг засмеялся весело и непринуждённо. А Вира и Александр, увидев его заразительную улыбку и полные смеха огромные глаза, тоже захохотали на весь отсек.

- Какие странные лучи, какой силы! - возмущался сквозь смех Шурик. - Наши приборы до сих пор в полуобморочном состоянии.

- Вроде тебя, когда ты на них взглянул, - мстительно съехидничала Вира за то, что он так бессовестно обнимал её на глазах командира.

- Ну, ты тоже хороша, - парировал Александр. - Посмотрел бы на нас Лёлик! Он бы, наверное, пополам лопнул от недоумения, почему мы вдруг ударились в панику, увидев такие красивые фиолетовые звёзды, тем более, что до его родного Алансолярия уже рукой подать.

- Получается так, - стал размышлять Далинский, когда оглушительная волна стресса мало-помалу, наконец, схлынула с него, - что дополнительные датчики на пульте, "видя", что основные не собираются реагировать на "агрессивную", по их мнению, окружающую обстановку, взяли и "подтолкнули" их, выполняя свою миссию ускорения. Да

так "подтолкнули", что зашкалили напрочь. Ну и дела у нас с вами... Надо об этом на Земле хорошенько потолковать, посоветоваться. Было ли подобное с другими экипажами?

* * *

За бортом по-прежнему висел фиолетовый туман. Но он уже не казался таким зловещим. Даже начал привлекать необычной своей красотой. И всё-таки было бы лучше его больше не видеть.

Сегодня в Звёздный Час экипаж с каким-то особенно приподнятым настроением разговаривал с Землёй. Александр умудрился переговорить чуть ли не с каждым из своих родственников. События дня были изложены сдержанно и чётко, но со всеми требуемыми подробностями. Далинский долго беседовал о случившемся с Центром Управления. После связи все, абсолютно измученные и утомлённые за этот день, разбрелись по своим помещениям. Лёлику не сказали ни слова. Зачем пытаться объяснять ему то, что он всё равно понять не в состоянии. Опасность, угрожающая "Клёну", не доступна для его понимания.

Войдя к себе в отсек, Герман включил максимальное освещение, чтобы не видеть на экранах фиолетовый Алансолярий. Экраны моментально потухли под плотной завесой света, излучаемого всеми стенами комнаты. Его взгляд наткнулся на чёртика, который как всегда глядел с потолка, ехидно гримасничая. Командир улыбнулся ему, ткнул пальцем, с усмешкой покачал головой.

"Может в самом деле он обладает какой-нибудь таинственной силой? - подумал Герман, наблюдая как талисман качается из стороны в сторону.

Он сел в кресло и расстегнул ворот комбинезона.

"Какая Вира глупенькая. Как она смутилась, когда я её поцеловал. А я тоже хорош! Надо же, догадался при всех... то есть при Шурике", - Герман опять поймал себя на том, что думает о Вире. Уже сколько раз он замечал, что, глядя на чёртика, вспоминает не жену, а её.

В дверь постучали и в щёлку просунулась голова Вирии. Каштановые волосы красиво рассыпались по её плечам.

- Герман, пойдёте в столовую, - предложила она. - Я угощу вас с Шуриком чёрным кофе. Настоящий бразильский кофе с бальзамом - знаете, какая это замечательная вещь. Мой отец очень любит его. Он научил меня всем секретам приготовления. Этот напиток был забыт много веков назад, а теперь снова принялись за его производство. Пойдёмте!

Герман поднялся и пошёл за ней. В столовой сидел Шурик, склонившись над написанным текстами.

- Что это ты изучаешь? История начала космической эры?

- Э-э, Герман Мстиславович, это проба пера - летопись нашей жизни на "Клёне".

- Уже пишешь? Ну-ка, выкладывай.

В столовую вошла Вира, изящно неся на подносе чашечки с кофе, как очень давно делали в земных ресторанах люди, выполнявшие работу, которая сейчас возложена на автоматы.

- Без меня не читай, - всполошилась она.

- Да что вы, у меня ещё ничего не готово, почти ничего нет, разрозненные отрывки, - попытался отказаться от чтения Александр.

- Давай, давай.

Навигатор начал рыться в своих записях.

- Ну, вот только:

Путь чёткий намечен учёною мыслью.

И вот уже много недель всё вперёд,

К далёкой планете с неведомой жизнью

Три астронавта ведут звездолёт.

К прекрасной звезде пробивается смело

Летающее чудо с названием "Клён".

И ждёт с нетерпением зелёная Фелла

Свиданья с знакомым земным кораблём.

На нашем борту пассажир необычный,

Безвестных миров представитель живой.

Гостил он у нас на Земле непривычной.

И вот возвращается снова домой.

Да ещё это:

Мы очень сдружились за долгие рейсы,

За месяцы наши в нелёгком труде.

Кому тяжело вдруг приходится если,

Мы вместе всегда в самой трудной беде.

И всё. Больше пока не написал.

- Пиши, пиши обо всех событиях, о Лёлике, о его причудах.

- О Фелле расскажи, о том, как мы тут живём, на "Клёне", об этом космическом тумане.

- О бразильском кофе, который мы сейчас пьём. Он, действительно, прекрасный.

- А-а, я же вам говорила! Мой папа знает толк в кофе. Ещё сделать? Или давайте, я закажу старинную музыку? Хотите Доги? - не знала, что еще придумать сияющая сегодня от плохо скрываемой радости Вира.

И зазвучал вальс, написанный в давно-давно минувшие времена, но до сих пор незабываемый и волнующий самую глубину человеческой души своими проникновенными, чарующими звуками.

* * *

А через пару дней "Клён" начал, наконец, торможение. Пелена, окружающая звездолёт, спала. Полоса фиолетового излучения, встретившаяся ему на пути, осталась далеко позади. Алансолярий опять принял свой естественный голубой цвет, и звёзды вокруг снова засверкали разноцветными точками. Родное Солнце на экране заднего обзора, как прежде, ласково подмигивало своим посланцам. Все до предела были заняты работой. Проверялась техническая готовность корабля к посадке, исправность общих и индивидуальных средств защиты. Вира подготавливала лабораторию для новых исследований. Это значило, что совсем скоро члены экипажа ступят на долгожданную Феллу. Лёлий до самой посадки был заключён в консервационный отсек и жил уже в условиях своей планеты. Вирия внимательно следила за их поддержанием.

Через некоторое время Алансолярий, находившийся в центре экрана переднего обзора, сполз, наконец, в сторону, и его место заняла Фелла. Только и разговоров было, что про неё. вспоминали во всех подробностях ту, прошлую прогулку по планете. Как там теперь? Изменилось что или нет? Экипаж охватывало лёгкое волнение. Ведь кроме них сюда не ступала нога ни одного человека.

В любую свободную минуту каждый бежал к экранам и, не отрываясь, подолгу смотрел на уже совсем близкую Феллу. Вскоре её поверхность закрыла почти весь экран. По внешним признакам из космоса вроде бы всё было как раньше. Фелла покрыта серо-зеленоватой пылью, но издавала краски сгущались, и со звездолёта она казалась совсем зелёной. Поверхность Феллы выглядела неровной, будто растрёпанной в клочья от постоянных носившихся там бурь.

А вот и скальные образования, похожие на шипы, торчащие из почвы. Как раз их тогда на "Клёне" приняли за результат созидательной деятельности разумных существ, и было решено совершить посадку на Фелле. Как и раньше, над ними клубился лёгкий серый туман, и от этого казалось, что шипы шевелятся. Создавалось впечатление чьей-то жизнедеятельности. Таких шипов было много по всему, обозреваемому с корабля, пространству планеты.

- Опять этот каменный частокол качается, - кивнул в сторону Феллы Александр, внимательно всматриваясь в экран.

- А ведь это не фелляне построили. Эти иглы возникли в период изменений структуры планеты. А жители их только используют для своих целей, как мы пользуемся дарами нашей Земли, - заметила Вира, из своего кресла наблюдая за приближающейся планетой.

Сегодня с утра весь экипаж разместился в командном отсеке. Всё было готово для совершения посадки. Каждый занял своё положенное место у пульта и сосредоточенно выполнял соответствующие функции. Командир сидел за центральным манипулятором, сжав рукой основной рычаг управления, моментально реагируя на окружающую обстановку, и отдавал приказы экипажу. Внимание всех было неотрывно направлено на приближающуюся Феллу, с которой через несколько минут должно произойти мягкое касание. Размеры планеты и всего, что на ней находилось, увеличивались на глазах. Вот уже Фелла видна как с высоты полёта на авиетках. Ясны очертания отдельных скальных массивов, хорошо заметны ровные, гладкие участки поверхности. Вечная пыль, которой постоянно насыщена атмосфера планеты, уже почти полностью окутала звездолёт. "Клёну",

можно сказать, повезло. Сейчас в той области Феллы, где он намеревался произвести посадку, стояло временное затишье от сильных бурь. Это очень облегчало осуществление маневра. Было заранее рассчитано, что корабль сядет именно здесь, куда он садился в первый раз, и в то же самое время, для большей вероятности того, что не встретится много непредвиденных помех. Местность эта уже относительно знакома. Все предположения пока подтверждались. Посадка проходила гладко.

- Уменьшить питание реактора до минимума, - командовал Далинский. - Внимание на форсаж. Разворот. Заходим вон на ту площадку между скал.

- Есть.

- Выравнивание. Полная мощность на торможение.

- Есть, полная мощность.

"Клён" плавно повернулся посадочной плоскостью к планете и медленно начал опускаться на ровную поверхность, высмотренную командиром среди пыли и бурунов Феллы. Двигатели работали на пределе, но звездолёт шёл совершенно бесшумно, не создавая вокруг себя никакого шлейфа, ни видимого, ни звукового. Со стороны могло показаться, что чья-то гигантская рука осторожно ставит громадную машину на землю, как обыкновенную игрушку.

- Остановить вибрацию, - скомандовал Герман.

Автоматы, опять зарываясь, начали лёгкую тряску корабля.

- Вибрация снята, - через минуту доложил Александр.

Вот, наконец, звёздное небо исчезло с экранов. Его место сплошь заняла огромная территория Феллы. "Клён" слегка качнуло. Это незнакомая, чужая планета гостеприимно приняла посланцев далёкой Земли.

- Касание, - сообщил навигатор.

- Есть, касание, - отозвался командир.

Двигатели последний раз сработали на предельную мощность, обеспечив полную остановку звездолёта, и замерли. "Клён" намертво впился в каменную почву, как будто вечно находился на этой стоянке. Казалось, уже никакой силой нельзя сдвинуть его с места.

- Сели.

- Ну, вот и прибыли.

С нетерпеливым ожиданием и любопытством Вира и Александр смотрели в экран на свою старую-знакомую Феллу.

- Всё в порядке? - как обычно осведомился Далинский.

- В порядке, - радостно бросил навигатор.

- Экипажу готовиться к выходу на поверхность планеты, - отдал приказ командир. - Выпускайте на свет божий Лёлия. Как бы он не разучился понимать нас в своей родной стихии.

Из консервационного отсека Лёлий через выходной люк был прямоиком выброшен на песчаную равнину. Очутившись в знакомой пыли, он что-то мелодично запел и покатился, цепляясь за камни и шипы.

Экипаж по-очереди вышел из звездолёта, озираясь и немного неуверенно ступая по абсолютно надёжной почве. Эластичные скафандры, надетые поверх лёгких комбинезонов, полностью защищали астронавтов от всякого губительного

воздействия. Эти скафандры, удобные для выполнения любой работы и практически никогда не выходящие из строя, обладали способностью создавать поле, отталкивающее от области головы окружающую среду, а пространство получаемого вакуума заполнялось земной атмосферой. Так что человек дышал привычным воздухом без специальных громоздких неудобных гермошлемов.

Звездолётчики огляделись по сторонам. Было относительно светло. Алансолярий нежно сиял над головой, освещая мягким голубоватым светом планету и странных гостей около немыслимого гиганта, который слегка отсвечивал в его лучах изгибами своей серебристой поверхности. На Фелле в это время стоял день. Но светящийся нос "Клёна" всё же ярко выделялся среди пыльной атмосферы и сверкал, как новая звезда, соперничая с самим Алансолярием.

Рядом появился Лёлик. Астронавты обрадовались. Они уж было подумали, что их пассажир, попав домой, от радости забыл о существовании "Клёна" и покинул их навсегда. А он бы сейчас очень пригодился в качестве экскурсовода и переводчика не в такой, в общем-то, и безопасной обстановке планеты. Лёлий, не двигаясь, смотрел на представителей земной цивилизации как тогда, в первый раз, и довольно сиял красноватым светом, с наслаждением вдыхая родной воздух.

- Вон мой большой камень, - кивнул Александр в сторону осколка скалы и побегал к нему, надеясь найти там старые отпечатки своих сапог.

Никаких следов, конечно, не было. Вокруг камня, где раньше лежала одна пыль, теперь всё было усыпано мелкими острыми камешками. Да и окружающая местность с трудом узнавалась. Все приметы, которые помнили звездолётчики, смели пыльные бури. Лёлий оказался прав.

Далинский нагнулся и поднял один камень. Тот был совсем обыкновенным, серым, очень твёрдым, может быть только слишком гладким.

"Камень как камень, - покрутил его в руках Герман. - Такой же, как у нас на Земле, абсолютно ничем не отличается. Хотя нет, отличается. Природа его в принципе другая. Ведь оболочка планеты здесь состоит из незнакомых нам элементов, неизвестных в нашей Солнечной системе. Может быть у этого камня какие-нибудь непостижимые свойства."

Он протянул камень Вире:

- Возьми для своей коллекции. Пригодится.

- Надо забрать отсюда побольше всяких образцов в лабораторию, - ответила она. - Помогите мне, пожалуйста, Герман.

Вира раскрыла сумку и они вместе горстями начали складывать туда всё, что попадалось под руки: и камни, и зеленоватую пыль. К ним присоединился Шурик.

- Мы так украдём у них всю планету, - усмехнулся он. - Вон Лёлик уже косо смотрит на нас.

Кроме Лёлия, местных жителей нигде не было видно. Потоптавшись на месте, все медленно двинулись в сторону от "Клёна", оставляя за собой цепочки глубоких следов на толстом слое пыли. Кругом, до самого горизонта, между каменными массивами торчали уже знакомые странные шипы, как сталактиты в пещерах. Вира подошла к одному из них поближе:

- Всё-таки для чего нужны феллянам эти выросты? Смотрите, как они отшлифованы. Здесь потрудились не стихия, а разумные существа.

Шипы, действительно, были очень гладкие, камень блестел в лучах Алансолярия, как зеркало. Они, конечно, не качались, как казалось из космического пространства, они были продолжением каменистой почвы. Высота их превосходила человеческий рост, а у подножия каждого шипа находилась концентрическая кольцевая неглубокая лунка размером приблизительно с величину колец Лёлия. Из этих лунок и исходил постоянно лёгкий туман.

- Что вы с ними делаете, - обратилась Вира к Лёлику, указывая на шипы.

Он запел, охотно объясняя назначение выростов и лунок. Но бедняга пользовался специфическими, понятными одним феллянам, терминами, не подозревая, что люди с Земли его почти не понимают. Ни командир, ни навигатор, ни даже Вира не могли до конца понять смысла некоторых фраз Лёлия. А он не мог толком перевести их на человеческий язык. Стало ясно в общих чертах только то, что жители Феллы каким-то образом вертикально нанизывают себя на эти иглы и что-то тут делают, может быть даже вращаясь, но это таинство - необходимое условие их жизнедеятельности. А серый туман из лунок, вероятно их очищает.

- Так они же тут, по-нашему, моются! - воскликнул вдруг догадливый Шурик.

- Придумал! Они вообще не знают такого понятия. Лёлик не знает.

- Но это же ясно, ты сама подумай. Только здесь это действие имеет другое назначение. Но всё равно они моются, - упрямо повторил он.

- К тому же, на этих иглах фелляне вырабатывают какое-то защитное поле, которое помогает им в дальнейшем. Слышите, о чём говорит Лёлик? - добавила Вира.

- Но у него на Земле никакого поля не было, - произнёс Герман.

- Не было. Оно появляется только после этого "мытья", как говорит Шурик, и ненадолго. Без него нельзя обойтись при выполнении здесь опасной для их организма работы.

- Неужели что-то для Лёлика может быть опасным? - усмехнулся Александр.

- Он говорит, что в недрах этой каменной планеты есть условия, в которых фелляне не могут существовать.

- Как мы в земной магме.

- Почти.

- Интересно, что же они делают под поверхностью планеты?

- Хотите, я покажу вам всё? - предложил Лёлик.

Он медленно покатился вперёд, все двинулись за ним. Шли довольно долго, старательно обходя большие и маленькие глыбы камней. Никому ни разу не пришлось в голову перелезть или перешагнуть хотя бы через одну из них. Ступали по инерции вслед Лёлику, который, в силу своей особенности, вилял между даже ничтожных препятствий, "ощупывая" каждое. Со стороны этот маршрут выглядел смешным, слишком витиеватым. На Земле никогда никто не стал бы совершать лишний путь, если можно было пройти напрямик.

Кругом, среди каменной пустыни и зелёной пыли, не было видно ни капли хоть какой-нибудь жидкости: ни озера, ни ручейка, ни лужи, не говоря уже о ласково плещущихся морях и океанах. О воде речи быть не могло, но неужели на Фелле не имеется ни одного вещества в жидком состоянии? Абсолютно сухая планета!

- Да, таких веществ мы не знаем, - подтвердил Лёлик. - Они нам не нужны.

Мы прекрасно обходимся тем, что есть. Хотя раньше, я слышал, какая-то жидкость была на нашей планете, но она исчезла уже давно.

Лёлий всё катился и катился. Оглядываясь назад, астронавты уже не видели очертаний "Клёна" из-за громоздящихся налево и направо скал.

- Как бы нам не потерять корабль, - выразила опасения Вира. - На позывные, принимаемые нами от звездолёта, слабая надежда. Очень экранирует от камней. Как будем возвращаться назад? Тут одни скалы.

- А ты запоминай их в лицо. Выучи наизусть, как каждая скала выглядит. Вот эта похожа на Эйфелеву башню, - усмехнулся Шурик.

По сторонам то там, то тут стали вспыхивать голубые и малиновые огоньки. Это местные жители, как две капли воды, похожие на Лёлика, с опасливым любопытством отваживались взглянуть на пришельцев, как ни в чем не бывало шествовавших в сопровождение им подобного. Они вырастали словно из-под земли, растянутые в длину на метры или, наоборот, сжатые до нескольких сантиметров. Все фелляне, судя по всему, довольно пугливы. Один Лёлик оказался самым смелым из них, решившись подойти и заговорить с инопланетянами. Этот тип был, действительно, не робкого десятка, даже отчаянный, если можно так сказать, не испугавшийся найти общий язык с экипажем звездолёта. Держались фелляне в сторонке, не пододвигались близко, но и агрессивность не показывали. По мелодичному звону, изредка доносившемуся со всех сторон, нетрудно было догадаться, что они делятся между собой мнениями относительно прибывших.

Всё же жители планеты, выглядевшие такими похожими друг на друга, не были точными копиями, кое в чём имелось различие. Диаметр всех их цилиндров был одинаков, а вот количество колец разное: у некоторых так много, что и не сосчитать, намного больше, чем у Лёлика; у других примерно столько же, сколько у него; у третьих всего четыре-пять штук. Вероятно, кольца своим числом определяли возраст феллян: чем больше их, тем раньше цилиндр начал своё существование. По этому признаку Лёлик оказывался ещё очень молодым.

- А как вы появляется на свет? - спросила Вира.

- Когда мы увеличиваемся в размерах до определённого количества колец, часть их теряет связь с остальными и отделяется. Образуется новое живое существо, которое тоже начинает расти.

- Это происходит с каждым феллянином?

- С каждым.

- А ты когда делиться начнёшь?

- Я ещё долго буду удлиняться, - пропел Лёлий.

Так, прошеествовав среди наблюдателей, процессия во главе с недавним пассажиром "Клёна" остановилась около одной довольно большой каменной горы, с виду ничем не отличавшейся от остальных. Астронавты ждали, что будет дальше. Вокруг опять никого не было, как будто все исчезли неизвестно куда. Между тем, Лёлик не терял времени даром. Он вдруг съёжился до размера миллиметров в пять и начал втискиваться в какую-то щёлку у подножия горы, почти совсем скрылся в ней, и земляне увидели, как куски скалы медленно зашевелились. Лёлий разводил кольца в стороны, вытягивался в длину и своей силой раздвигал тяжёлые камни. На глазах возникло довольно большое отверстие, уходящее вглубь горы.

- Входите, - предложил он.

Заглянув в образовавшуюся дыру, Далинский первым шагнул через Лёлия внутрь. За ним следом вошла Вирия, за ней Александр. Пропустив всех, Лёлик так же медленно стал сжиматься, устанавливая камни на место. Астронавты в страхе оглянулись, их окутала крошечная тьма.

- Как мы выйдем отсюда? - прошептал Александр.

Лёлий, закрыв вход, выкатился из щели уже на эту сторону, к ожидавшим его гостям. Они оказались в просторной пещере. Ни один луч света не проникал сквозь камни. Лишь только далеко впереди стал заметен яркий огонь. Лёлик направился туда. Шли на ощупь, ступая по такой же каменистой почве, как снаружи. Только никакой пыли здесь уже не было.

- Осторожней, держитесь все вместе, - предупредил Герман.

В отличие от землян, провожатый легко ориентировался в полной темноте. Касаясь стен пещеры, он уверенно катился на далёкий свет. Астронавты едва поспевали следом, благо, его поблёскивающие голубоватые кольца были хорошо видны. Наконец вступили в ярко освещённые небольшие залы в скалистом массиве планеты. Здесь находилось много феллян, занятых работой. Залы были похожи на странные, своего рода, лаборатории. Деятельность всех присутствующих сосредоточивалась в недрах центральной части Феллы. Вглубь уходило множество отверстий, теряющихся во мраке преисподней. В некоторых, как в адском горниле, двигалась пламя. Кругом стояли в только одним феллянам понятном беспорядке различные приборы и недоступные для земного ума аппараты. Всё это доказывало, что жители Феллы обладают немалым созидательным разумом.

Звездолётчики медленно пошли за Лёликом вдоль залов, с трудом прокладывая себе путь среди всевозможных препятствий. Работающие здесь, неподвижно застывшие и вытянувшие свои цилиндры до пугающей величины, когда они вошли, тихонько зашевелились, видимо, встревоженные внезапным появлением непрошенных гостей. Лёлий запел что-то своим мелодичным звоном. Фелляне понемногу успокоились и снова замерли. Астронавты с интересом рассматривали лаборатории, пытались понять, что здесь происходит. Их провожатый пока молчал, не желая вдаваться в объяснения. Шурик, легко разбирающийся в любой технике, то и дело задерживался около самых различных предметов, но, судя по выражению его лица, всё здесь было недоступно даже его пониманию.

Он остановился у одного светящегося в глубине отверстия и стал вглядываться в мерцающий огонёк. Там как будто что-то булькало.

- Попробуем украсть каплю этого месива? - предложил Шурик, опускаясь на колени и наклоняясь над дырой.

- Берегись, ещё провалишься туда, - поддержал его за плечо Далинский. - Что-то тут мне не внушает доверия. И эти защитные поля, которыми все здесь окружают себя, неспроста.

Он обошёл вокруг отверстия.

Вставая на ноги, Александр протянул руку, чтобы опереться о какую-то перегородку, стоящую рядом и закрывающую доступ сюда излишнего света, но дотронуться не успел.

- Не трогать! - взвизгнул Лёлик.

Шурик от неожиданности отдернул руку. Далинский едва успел перехватить её, сам чуть-чуть не задев перегородку. Все с испугом обернулись к Лёлию, который старался оттеснить их от отверстия.

- Не прикасайтесь. Это опасно, для вас опасно, - проговорил он.

- Что это? - пробормотал поражённый Александр.

- Осторожней! - набросилась Вира на своих спутников. - Прошу вас, не трогайте ничего без разбору и без меня, будьте внимательны.

- Ты, Вирочка, конечно, лучше нас всех разбираешься во всём, - улыбнулся навигатор.

- Конечно! Внеземная жизнь меня больше касается.

- Неужели и тут тебе что-нибудь ясно?

- Ничего... - призналась Вира.

- Пойдёмте, я покажу другие помещения, - повёл их дальше добровольный гид.

Теперь шли с ещё большей осторожностью, стараясь ничего не задеть даже случайно, и с ещё больше разгоревшимся любопытством. В соседних залах они увидели аппараты уже совсем других размеров, такие огромные, что некоторые не вмещались в пространство между полом и потолком и уходили вниз, в неизвестную глубину. В разные стороны тянулись узкие коридоры. Это очень напоминало подземелья старинных сооружений - замков, которые в глубокой древности существовали на Земле. Только здесь вместо пустоты и мёртвой тишины, веками беспредельно царившей среди глухих замковых стен, кипела бурная деятельность, со всех сторон слышался звон. Это работающие переговаривались между собой на своём феллянском языке.

- О чём они разговаривают? Почему мы можем понимать только Лёлика, хотя говорят все одинаково? Посмотрите вон на того длинного, - Шурик указал на цилиндр, вытянувшийся поперёк одного из коридоров. - Слышите, заливается, как бубенчик. Он явно к нам обращается.

- Правда, он что-то говорит про нас. Я научилась немного разбираться в системе произносимых ими звуков.

Цилиндр, полежав немного неподвижно, начал перекатываться вглубь коридора, как бы зовя за собой гостей. Они, не зная что делать, оглянулись по сторонам, ища совета у Лёлика. Но его почему-то нигде не было. Герман, помедлив, шагнул вслед за цилиндром. Он вошёл в коридор. Феллянин был уже на значительном расстоянии. Далинский двинулся дальше, собираясь идти вперёд, пока это будет возможным. Вдруг он почувствовал, как его сзади за рукав схватила Вира:

- Не ходите, командир, не надо.

- Не бойся, я быстро. Мы должны узнать, что там дальше, куда зовёт нас феллянин.

Она продолжала стоять, не отпуская его.

- Что с тобой, Вира?

- Не знаю. Что-то мне не по себе от этих странных стен. Они как будто живые, расстояние между ними слишком уж маленькое.

- Тебе это просто кажется. Смотри, я же стою здесь, и ничего. Всё будет

нормально. Я сейчас вернусь. Ты иди к Шурику и подождите меня там.

Но Вира, ещё крепче вцепившись в командира, изо всех сил тянула его назад:

- Пойдёмте отсюда, не надо. Всё равно нам ничего не понять из того, что происходит вокруг. Ну где же Лёлик?!

Далинский, повинаясь её отчаянному сопротивлению, отошёл от входа в коридор.

По залу к ним спешил исчезнувший было Лёлий. Что-то в его внешности изменилось. Земляне никак не могли уловить, что именно. Вроде бы он был всё такой же как раньше, только вокруг него как будто появилась оболочка, совершенно невидимая и неосязаемая, а воспринимаемая астронавтами каким-то шестым чувством. Это ощутили все сразу.

- Заряжаться бегал, - шепнул Шурик. - Чувствуете, это защитное поле.

- Значит, ему здесь вредно находиться. А нам?

- У нас же надёжные скафандры, на все случаи жизни.

- Лёлий, зачем всё это? Что вы здесь делаете? - спросила Вира.

- Здесь находится всё, чем жители Феллы занимаются на протяжении всей своей жизни. Наша работа состоит в том, чтобы как-то повлиять на внутреннюю область планеты. Этим мы хотим изменить её поверхность, сделать пригодной для нормальной жизни там, наверху, под лучами Алансолярия, может быть даже похожей на ту, какой она была раньше, много времени назад. Ведь Фелла не всегда была такой каменной, пыльной, высохшей. Когда-то очень давно она выглядела живой и цветущей, как ваша Земля. Вы сейчас удивились, что нигде нет никакой жидкости. А тогда её было много. Мы, теперешние фелляне, этого ничего не видели и не знали. Нам рассказывали, что так было. Всех, кто жил в то время, уже нет. Они погибли в процессе естественного отбора, как вы выражаетесь в подобном случае. Говорят, что они тогда были совсем другие, не имели всех тех свойств, которые имеем мы сейчас. Они в них не нуждались. Мы ведь приобрели свою способность жить в любых условиях, даже таких, где это явно невозможно, когда шёл процесс приспособляемости наших организмов, процесс борьбы за выживание на нашей родине, которая так изменилась. Эти качества мы теперь получаем и передаём по наследству. Я тоже появился на свет, уже имея их. Вот так мы теперь и живём.

- Что же произошло с Феллой? Ты об этом знаешь, Лёлик?

- Да, мы все знаем, что наши предки, обладая богатствами, великодушно даримыми им планетой, не сумели или не захотели сберечь их. Очень безоглядно пользовались всем, не думая о будущем Феллы, о будущем своих потомков. Они не только постепенно губили окружающий мир, сами не замечая того, непомерно расходовали шикарные его запасы, своими жестокими, никому не понятными и не нужными действиями, с помощью которых решались тогда их проблемы, они ускорили уничтожение жизни на планете, отравили её атмосферу и превратили всё вокруг в мёртвую пустыню. Тут хозяйничают теперь только пыльные бури. Алансолярий уже очень давно освещает своим голубым светом лишь голые скалы да холодный песок. Мы же привыкли к нашей жизни, и новые, появляющиеся на свет, уже не боятся погибнуть в таких условиях. Но, вы знаете, для нас всех существует одна опасность. Фелла умирает с каждым мгновением, продолжается процесс распада. Планета может исчезнуть совсем. Поэтому фелляне стараются

спасти её воздействием на скрытую в глубине структуру, вернуть ей прежний облик. Этим и занимаемся мы на протяжении уже очень многих поколений здесь, внутри скал, где ближе доступ к центру Феллы. Вся наша жизнь состоит в этой единственной работе. И очень многие погибают тут или по неосторожности, или не сумев вовремя обеспечить себе защиту. Если бы наши кольца не появлялись вновь, не отделялись, образуя новые организмы, мы бы давно перестали существовать, не успев добиться никаких результатов.

- Вот это, да-а! Разве мы могли подумать о таком?

- И вы надеетесь, что спасёте Феллу? Не дадите ей разрушиться, сохраните для тех, кто будет после вас?

- Не знаю. В общем, ни в чём мы не уверены. Просто работаем. Мне внушили с первого момента моего появления на свет, что это надо делать, чтобы не погибнуть, что в этом смысл моего существования. И я делаю, потом передам это своим потомкам, чтобы тоже работали тут. Вот и всё. Смогут ли они что-нибудь исправить? Никому неизвестно. Мы, во всяком случае, этого уже не увидим. Мы сейчас хорошо приспособились, довольны всем, и нам больше ничего было бы не нужно, если бы не боязнь лишиться своей колыбели во вселенной.

- Так вы точно ничего не добьётесь, - усмехнулся Герман, - если будете относиться ко всему с таким настроением, с неуверенностью в конечной цели, равнодушно работать, не заботясь ни о себе, ни о своих продолжателях. Вы удовлетворены тем, что есть, а после вас хоть потоп. История ваших предков, видимо, ничему вас не научила. Вот осуждаете их, а чем вы лучше? Такие же беспечные. Предшественники своим бездумным поведением оставили вам такое наследство, а вы будущее обрекаете на ещё худшее существование. Они при всём желании уже ничего не смогут сделать, время будет упущено. Им останется только гибель. Вам скоро надоест копать во внутренностях своей планеты и вы бросите все, даже не вспомните о цели своих трудов. Вся ваша цивилизация исчезнет в скором времени вместе с Феллой.

- Нет, фелляне не должны допустить этого. Мы многого уже добились и сделаем всё для её спасения. Я не хочу, чтобы Фелла погибла.

- Вас надо встряхнуть как следует, пробудить от спячки, - воскликнул возмущённый Шурик.

- Может быть... Наверное, вы правы.

- Ничего, теперь мы вам поможем, - улыбнулась Лёлику Вира. - Если вы согласны, Земля направит сюда экспедиции с целью взаимного изучения цивилизаций. Мы сделаем, что возможно, для вашей планеты. Будь уверен, Лёлик. Излечим вас от равнодушия, вселим уверенность, заставим поверить в достижение своей цели. Земляне попытаются спасти Феллу от грозящей ей гибели, только, конечно, с вашей активной помощью.

- Не представляю, сможете ли вы чем-то помочь Фелле, но мы будем очень рады вам как своим друзьям. Мы предпримем всё, чтобы нашу связь было легче осуществить.

Осмотрев помещения, звездолётчики вместе с Лёликом направились к выходу, собираясь покинуть лаборатории, где продолжали трудиться фелляне.

- Как сонные мухи, - не мог успокоиться Александр. - Какой уж тут прогресс,

какое развитие цивилизации. Развиваются в сторону приспособления к местным условиям. Скоро так приспособятся, что превратятся в эту свою зелёную пыль. Тогда им вообще ничего не нужно будет, никакой Феллы. Развеются по космосу и не останутся от них даже следа. Хотя у самих уровень развития не ниже, чем у нас. Загородились от всего своими защитными полями, ничего больше не хотят видеть.

Обратно двигались по уже пройденному пути, из зала в зал. Вира шла позади всех, стараясь ещё раз увидеть и получше запомнить интересные факты, делала снимки и записи. Командиру то и дело приходилось оглядываться на неё, чтобы она не отстала от процессии.

- А ведь у нас на Земле подобное тоже могло случиться, - проговорила Вира. - Была такая же история, как на Фелле. Когда на нашей планете люди жили не так, как теперь живём мы, все вместе, объединившись в единую земную расу, а делились на две общественные системы, которые вели между собой непримиримую войну. Помните, на Земле существовало тогда ужасное смертоносное оружие, которое хотели использовать в той войне. Это могло мгновенно зачеркнуть то, что было создано нашими предками, и нас, и будущее нашей планеты. Она висела на волоске от гибели, вот от такого же состояния, в каком оказалась Фелла. Тогда бы исчезло всё на Земле, исчезли бы сами люди, исчезла бы жизнь. Как хорошо, что человечество вовремя поняло, к чему могло привести применение этого оружия, что ждало его впоследствии. Земля постепенно умирала бы, как умирает сейчас Фелла. И кто знает, остался ли бы кто-нибудь, чтобы спасти её. Как хорошо, что это время давно прошло, и мы можем спокойно жить на нашей родной Земле. Как замечательно, что сейчас люди очень бережно относятся к своей планете, ко всему, чем обладают. И не только берегут, но и создают заново то, что так необходимо Земле. Всё это останется и нашим детям. Честное слово, мне стало не по себе, когда я увидела, что происходит здесь, на Фелле. Правда ведь, мы совсем не похожи на феллян? Разве можем мы удовлетвориться тем, что есть, даже если ничего не грозит нашей маленькой родине среди этой большой вселенной. Больше всего я ненавижу и очень боюсь равнодушия. Послушайте, нельзя допустить, чтобы Фелла погибла, надо сделать всё возможное для них.

- Вира, мы непременно расскажем на Земле о положении на Фелле, - произнёс Герман. - За эту цивилизацию примутся наши учёные. Ей просто некогда будет продолжать гнить. Ты права. Было время, Земля чуть не стала жертвой безумия своего населения. Нынешние жители нашей планеты знают об этом лишь из истории. В отличие от феллян, они имеют достаточный опыт и ни за что больше не допустят, чтобы снова оказаться у той пропасти, над которой висела наша цивилизация. У землян память вечна. Это было так еще в те времена, так оно осталось и по сей день. Мы ничего не забываем: ни добра, ни зла, умеем быть благодарными и беспощадными. И это прекрасно. В этом мы свято постоянны, это завещано нам нашими предками, этого ждут от нас наши потомки. Память - одно из главного, чем мы сильны и крепко держимся на земле.

Выходя из залов, звездолётчики в последний раз бросили взор на лаборатории с работающими приборами и автоматами. Звуки, исходившие от оборудования, сливались с "пением" феллян, по всем помещениям раздавался монотонный глухой скрежет. В узких коридорах, один из которых хотел обследовать

Далинский, теперь даже летали от стены до стены жёлтые искры, создаваемые очень высоким напряжением. При виде этих огоньков неприятный холодок пробежал по спинам астронавтов. Тут уже никакие скафандры не помогут. Герман, переглянувшись с Вирой, чуть заметно благодарно улыбнулся ей.

Назад из пещеры выбирались тем же способом, каким и входили, с помощью Лёлика, который опять обеспечил им проход в скале.

Облик Феллы заметно изменился за то время, пока они были в глубине её. Затишье кончилось, и планету со всех сторон обвевал уже довольно чувствительный ветерок, который, загребая кучи пыли, разносил их по всему пространству. Скоро должна была начаться очередная буря. В скале, под прикрытием каменных стен, ничего этого не ощущалось. За существующие тут запоры не проникал ни ветер, ни песок, не доносилось ни малейшего звука извне. Алансолярий, уже плохо различимый за зелёными тучами пыли, безуспешно пытался пробиться своими лучами к сразу помрачневшей Фелле.

- Надо быстрее возвращаться к "Клёну", а то мы его потеряем в этой круговерти.

- Добраться бы только благополучно.

Звездолётчики поспешили в обратный путь, к месту своей посадки. Лёлий вёл их как тогда, обходя все камни и камешки. Это занимало много времени, но даже знакомую дорогу было трудно узнать в такой обстановке, и они невольно радовались, что могут двигаться по пролагаемому для них пути, не задумываясь о маршруте. Ветер усиливался с каждой минутой, и, пока шли, разразилась настоящая буря. Исчезла малейшая возможность что-либо разглядеть вокруг. Хорошо, что светящийся нос "Клёна" служил экипажу своеобразным маяком среди непроницаемой мглы и был уже виден на горизонте. В отличие от Алансолярия, которого теперь совсем нельзя было отыскать в небе, корабль по-прежнему сверкал ярким огнём. Никакая стена пыли и песка не могла затмить свет, исходящий от сооружения, созданного людьми Земли. Идти стало невыносимо тяжело. Ураганный ветер валил с ног, стараясь подхватить своим вихрем и унести неведомо куда. Удивительным было то, что Лёлик как будто не замечал бури. Он спокойно, не спеша, катился вперёд и совершенно не ощущал никаких неудобств. Тучи пыли, обрушивавшиеся на него, не встречая препятствий на своём пути, легко проходили между колец цилиндра. Камни, пронизывая его насквозь, проносились мимо, как сквозь решето, не причиняя ему ни малейшей неприятности. Астронавты, пока добрались до звездолёта, не раз позавидовали феллянину.

- Да, неплохо вы приспособились, - только и смог пробормотать Александр, расставаясь с ним.

Кое-как попрощавшись и поблагодарив за всё своего нового друга, к которому все так привязались за многие недели пути сюда, гости поспешили взлететь с неприветливой планеты, чтобы поскорее убраться из области, где хозяйничали бури, в более спокойное и безопасное пространство космоса. Всем было очень жаль покидать милого и доброжелательного жителя Феллы. Они долго смотрели в экраны на удаляющуюся его родину, вслед ему, оставшемуся там, хоть в такой неразберихе немыслимо было разглядеть не только поблёскивающий силуэт феллянина, но даже очертания самой планеты. "Клён" провожала в обратный путь

лишь какая-то бесформенная масса, клубящаяся в лучах Алансолярия. Казалось, что она сердится и негодует то ли от того, что инопланетяне осмелились высадиться на ней, то ли от сожаления, что они покидали её.

* * *

Благополучно оторвавшись от Феллы, "Клён" начал набирать скорость, устремляясь по прямому курсу к Земле. Рейс заканчивался, задание было выполнено, все системы корабля работали в норме. Теперь оставалось только ждать, когда на центральном экране покажутся первые признаки приближающегося дома. Скучать в ожидании не придётся. Предстояло заняться обработкой материалов, добытых за время полёта.

Вечером в первый же день после взлёта, как всегда, состоялся Звёздный Час. В этот раз Земля получила много любопытного и важного об интересующей её планете. "Клён" добавил вместе с ожидаемыми фактами и новые сложные проблемы. Множество восторженных рассказов услышали родители от своих детей, которые сами, своими руками добыли эти сведения. Вира со многими успела переговорить и всем рассказывала одно и то же, так что к концу от непрерывной болтовни она стала сбиваться и путаться, смущалась от этого и весело смеялась. Счастливое настроение было и у Шурика. Он уже давал указания и предложения родственникам о подготовке к встрече экипажа у себя дома, на индийском берегу.

- Папа, позаботься, пожалуйста, о какой-нибудь собачке для Виры. Может она утешится после разлуки с Лёликом. Расставшись с ним, ей больше не за кем стало ухаживать, - смеялся он, косясь на грозящую ему Вирию.

- А ты потерял объект для шуток, так решил переключиться на меня?

- Вирочка, хочешь, я буду твоей собачкой? - с молящим взглядом Шурик упал перед ней на колени.

- Ишь, чего захотел! Велика честь, - с притворной гордостью отвернулась от него Вира.

- Я буду твоим покорным рабом. Я стану носить за тобой тапочки. Ты будешь заботиться обо мне, как о ребёнке, требующем защиты.

"Если бы это позволил мне не ты, а он", - грустно улыбнулась она, думая о Германе.

Знакомство с Феллой ещё больше сблизило её с командиром. Она преодолела в себе постоянную робость при общении с ним. Он уже не казался ей таким далёким и недоступным. Вира с тайной радостью отмечала, что Далинский сейчас внимательнее относится к ней. Вроде бы ничего не изменилось, он был вежлив и всегда отзывчив как раньше, но теперь исчезла граница чисто делового взаимоотношения. Герман стал общительнее, чаще бывал в обществе её и Александра, а не спешил уединиться в отсеке, думая о чём-то своём.

"Он стал замечать меня. Уже не проходит мимо, скользнув невидящим взглядом. Неужели я ему симпатична?" - думала Вира, замирая от счастья. Она сознавала, что ей уже мало того, чтобы просто видеть Германа рядом с собой. Этого ей доставало, пока кроме неё и Шурика с командиром никого не было. А когда он общался с другими людьми, Вире сразу казалось, что Герман недосыгаемо далёк от неё, что она ему совсем безразлична. Тогда ей хотелось, чтобы он отзывался на её симпатии к нему.

"Нет, какое ему дело до меня? Он женат, у него уже взрослый сын. Он всё еще любит свою жену. А мне оказывает внимание, потому что хороший, вежливый человек, - вдруг начинала мучить себя Вира. - Но иногда я определённо чувствую недвусмысленное приятное расположение Германа ко мне, - тут же перебивала она свои размышления, улыбаясь от новой волны чувств. - Я хочу, чтобы он всё, всё время оставался со мной. Я бы сделала так, чтобы ему всегда было хорошо. Я бы никогда, никогда не смогла поступить с ним как его жена. Хотя не мне судить их. Если бы Герман хоть немножко отвечал мне взаимностью!"

Малейшего поворота мыслей Виры в благоприятную для неё сторону, малейшего, вроде бы явно неопровержимого, желаемого факта, всплывавшего в её воображении, было достаточно, чтобы она с момента взлёта находилась в постоянном счастливом возбуждении, веселилась, много болтала со всеми. Вира, как ни старалась, не могла заметить впереди ничего, что бы изменило существующее положение вещей. Всё вокруг было прекрасно. Скоро они будут дома. Вира увидит своих родителей, вместе с Германом проведёт долгий отпуск на Земле, а потом опять совместные полёты куда угодно, хоть за пределы вселенной.

* * *

А через несколько дней, разговаривая в Звёздный Час с Центром, Далинский получил указание передать по-возвращении на Землю на неопределённое время специалиста по контактам Дельмонг в распоряжение звёздной экспедиции, формирующейся для изучения всех планет Алансолярия. Предполагается серьёзно заняться его системой. Будут искать признаки жизни на других планетах и возможные пути помощи Фелле.

Германа, как громом, поразил этот приказ. Он пытался сопротивляться, что-то доказывать. Но ему объяснили, что там Вира нужнее и что забирают её не навсегда, а после экспедиции вернут в целости и сохранности, если она сама того пожелает. Но Герман знал, что значит "после экспедиции". Это то, что они расстанутся на несколько лет, а может быть и навсегда. За одной экспедицией последует другая, за ней третья, везде Вира будет необходима. Ему очень не хотелось отдавать девушку. Далинский даже подумать не мог, как он будет без неё. Придётся привыкать к новому контактёру. А они так сдружились вместе. А что станет с Шуриком?

Ни Александр, ни Вира не слышали этих переговоров с Землёй, и командиру предстояло ещё рассказать им обо всём. Но он совершенно не представлял себе, как это сделать. Он знал, что это явится большой неприятностью для Виры. Ей будет очень тяжело расставаться с "Клёном" и с ними.

Вот уж сколько времени Герман не мог приступить к такому разговору. Сразу заговорить у него не хватило духу. Утром Вира появилась такая радостная, весело смеялась, о чем-то щебеча с Александром. У неё все ещё было счастливое настроение. Она радовалась всякому малейшему пустячку, радовалась, потому что всё было хорошо и в работе, и в её жизни. Ну как мог Герман в тот момент преподнести ей такое. Он решил отложить разговор до вечера.

А вечером Вира узнала от своих друзей, что её работы по изучению внеземных цивилизаций привлекли внимание научного мира и предложены к обсуждению. Это ещё больше увеличило её счастье. Только и разговоров было, что

о разных проблемах связей с иными мирами. Тут бы и упомянуть об экспедиции, но Герман никак не мог уловить подходящего момента.

"Может быть сказать сначала Александру, а он потом...?"

Нет, это было не в привычках Германа - перекладывать свою обязанность на плечи другого, тем более нелёгкую. Да и чем это поможет?

"Ладно, отложу до утра. Говорят, утро вечера мудренее. Утром у Виры дежурство, вот тогда и скажу."

Он пошёл спать. Лёг, не выключив экраны, чтобы едва заметное течение звёзд в них помогло заснуть. Но время шло, розовая заезда, глядящая на Германа немигающим глазом, совсем сползла вниз экрана, а он всё лежал, уставясь на неё, и сон не приходил.

"Сколько это может продолжаться?"

Далинский не терпел всяких недомолвок и неясностей. Предпочитал знать и говорить сразу начистоту всю правду, даже самую неприятную. Лучше уж напрямик и поскорее, как бы тяжело не было. А тут...

"Как я могу ей сказать, когда она такая счастливая! Вира переменялась в последнее время. Да, стала не так тщательно скрывать своё отношение ко мне. Теперь я наверняка знаю, она влюблена в меня. А Шурик! Вроде бы и не переживает. Молодец парень! Нет, не хочу я отпускать Виру. Мне так стало легко с ней, будто какая-то тяжесть свалилась с плеч. Что бы придумать? Но я и не имею права задерживать её! Там больше простора и для неё, и для её работ."

Герман поднялся, вышел, пошёл вдоль коридора. Перед ним бежала световая дорожка. Все отсеки были на ночь затемнены, только на пульте, где дежурил Шурик, горело максимальное освещение. Трудяга "Клён" вовсю старался, работая на разгон. Он добросовестно по заданной программе набирал скорость для выхода на спокойный полёт. Командир постоял около неплотно прикрытой двери отсека. В щель пробивался яркий свет и было видно, как навигатор наклонился над столом и чем-то сосредоточенно занят. Не захотев ему мешать, Далинский пошёл дальше.

А Александр в это время сидел, уткнувшись в свои записи, и, грызя ногти, мучился над продолжением стихов. Сейчас, когда они возвращались домой, он решил основательно заняться завершением своей поэмы о полёте. Уже куча исписанных блокнотов лежала рядом, а он всё добивался точности и конкретной правды в повествовании.

"Что у меня там раньше было про пассажира?"

На нашем борту пассажир необычный...

Так, теперь вот это:

Честь нам такая дана не случайно.

Мы первыми между галактик седых

Открыли для мира чудесную тайну

Доныне безвестной и странной звезды.

Надо ещё про Феллу подробнее, про всю её историю. Как у них там всё! Какая непривлекательная планета. А Лёлик умница! Про него вот почему-то никак серьёзно не получается, всё какая-то ерунда."

Шурик, забывая следить за приборами, рассеянно смотрел в глубину звёздного пространства. Космос своим холодным сиянием, как магнитом, притягивал его взгляд, рождая в голове мечты, одни удивительнее других.

Он представлял себе великолепный гигантский звездолёт-лабораторию, несущий с безвестных, непостижимых уму миров сложнейшую проблему, которой поглощён весь земной шар. А он, Александр Лоре, командует этим звездолётом. Ему подчиняются все на корабле, от вспомогательного персонала до крупнейших научных руководителей. Вира Дельмонг - его жена, его первый помощник. Они безгранично любят друг друга. Шурик не верил в это, но тайно мечтал, что Вира когда-нибудь станет его женой, что вместе с ним будет работать на исследовательском корабле или пусть даже ждать его возвращения на Земле, ждать всю жизнь, считать все краткие их встречи.

Мысли Александра устремлялись дальше, вслед воображаемому звездолёту. Он, командир, прокладывает сложнейшие маршруты, решает неразрешимые задачи. Без него не может обойтись ни одно дело, он незаменим. Его имя во всех органах массовой информации, на устах всего населения Земли.

Шурик отнюдь не был лишён тщеславия. Ему нравилось, когда о нём говорили, когда его хвалили, особенно за глаза. Он мечтал оставить по себе память там, где его знали, чтоб его помнили, может даже всю жизнь, чтоб о нём искренне пожалели те, с кем он расстался. Обо всём этом, конечно, никто, кроме него, не знал.

Вот летит корабль, прорываясь сквозь неисчислимые преграды, подстерегающие его в пространстве космоса. В командном отсеке Александр. Вдруг ему сообщают:

"Александр Валентинович, впереди по нашему курсу полоса космического урагана. Что будем делать?"

"Насколько возможно обойти его стороной?"

"Совсем невозможно."

Но Александр уже знает, что делать. Он готов на любой риск. Без колебаний отдаёт приказ:

"Идти навстречу урагану."

И уверенно проводит гигантский корабль сквозь него, нисколько не хуже, чем Далинский тогда сквозь метеоритный ливень. Все восхищены его подвигом. С Земли шлют ему поздравления...

Шурик с улыбкой вздохнул и перечитал то, что было уже написано.

"Теперь про "Клён" и про нас", - он снова принялся грызть ноготь. -

Далёко от дома, от родины нашей

Работаем Вира, и Герман, и я.

Куда б ни летели мы дальше и дальше,

Приветы в Час Звёздный нам дарит Земля.

Утром Герман тихонько зашёл в командный отсек. Вира сидела за чертежами и графиками. Сегодня она показалась ему какой-то ещё более привлекательной. Лёгкий комбинезон придавал ей изящества. Слегка вьющиеся волосы были красиво рассыпаны по плечам, также как в тот раз, когда она позвала их пить кофе. Сегодня Вира не успела ещё прибрать их после сна.

Она оглянулась на вошедшего Германа и весело ему улыбнулась. Её синие глаза ласково сияли. Далинский заставил себя улыбнуться в ответ, подошел к ней, сел рядом, взял в руки диаграммы.

- Как спалось? - спросил он.

- Хорошо. Вот только не могу найти Шуркиных расчётов, которые он должен был сделать сегодня ночью.

- Я его вызову сейчас и спросим, - как за спасительную соломинку, ухватился за это Герман, чтоб только оттянуть время предстоящего разговора.

Заспанная физиономия Шурика показалась в дверях. Он вошёл, неся расчёты, на которые ему не хватило ночи и которые только что едва успел закончить.

- Вот. Здесь всё о Алансолярии и его планетах. Кстати, я слышал, что, обсудив наши предложения, их собираются основательно изучать. Туда уже сейчас стали готовить экспедицию, - сообщил он.

Это, о чём Герман думал все последние двое суток, прозвучало так неожиданно, что он вздрогнул. Пришёл самый удобный момент сказать Вире. Более подходящего случая всё равно не представится. Надо было решиться именно сейчас. Далинский невольно пожалел, что это наступило так скоро. Он мельком взглянул на Виру и, натянуто улыбнувшись, произнёс:

- Вира, ты знаешь, тебя просят принять участие в этой экспедиции.

- То есть как? Почему меня? - улыбка мгновенно исчезла с лица Виры.

- Ты же уже знакома с этими местами. И им нужен такой специалист как ты.

- А как же "Клён"? Здесь я тоже нужна, - со страхом посмотрела Вира на Далинского

- Я получил приказ предоставить тебя.

- Но я не хочу. Как же я... - она беспомощно оглянулась на Шурика.

Шурик стоял, испуганно переводя взгляд то на неё, то на командира.

- Вира, там тебе будет интересней, полезней для твоих работ. Там ты будешь заниматься серьёзными исследованиями. Это не то, что здесь, на транспортнике, - слабо попытался соблазнить её Герман.

Вира непонимающе посмотрела на него.

- Здесь тоже хватает дела и экспериментов. Я пользовалась данными, которые насобирала на "Клёне". А Алансолярий - это так, пройденный этап для меня, - с жаром стала возражать она.

- Ну что ты говоришь, "пройденный этап", подумай сама, - не знал, что ещё сказать Герман. - Ты сама предложила спасти Феллу, обещала Лёлику, а теперь отказываешься лететь туда. На Земле считают, что экспедиции необходим твой опыт.

- Чем могу помочь им я, обыкновенный контактёр? У них столько квалифицированных научных специалистов, занимающихся Феллой. Для планеты я имела в виду помощь земной науки, в которой я ещё очень мало значу. Я не хочу

расставаться с вами! - с отчаянием в голосе воскликнула Вира.

- Я и сам не хотел бы с тобой расставаться, - произнёс Далинский.

- А Вы не отдавайте её, Герман Мстиславович, - предложил вдруг Шурик, - ведь можно наверное?

- Не отдавайте, Герман, - Вира с тоской посмотрела на командира.

Он молча стоял перед ней. Если бы он мог, если бы у него имелась такая власть, он ни за что не отдал бы эту девушку. В её лице, обращённом к нему, было столько просьбы, столько мольбы, что Герман, не выдержав, опустил глаза. И вдруг по Вириным щекам потекли слёзы.

- Герман, ну сделайте что-нибудь. Я не хочу... я хочу остаться на "Клёне", - Вира была не в силах сдержать их.

- Ну что ты, что ты? - испугался Далинский. - Не надо, Вира, что ты?

Он неуверенно взял её за плечи. Что теперь делать, как утешать её? Далинский не мог видеть женских слёз, боялся их. К нему мгновенно подступала невыносимая жалость, он сразу как-то терялся, не знал, что предпринять. Герман смотрел на Виру, его влажные пронизательные глаза выражали настоящую боль.

- Успокойся, прошу тебя. Ты же после экспедиции вернёшься, если захочешь. Снова придешь к нам. Это же ненадолго, всего на один рейс. Я тебе обещаю, - горячо проговорил он. - Встретишься там с Лёликом. Мне бы вот очень хотелось снова его увидеть.

Вира села на стул и закрыла лицо руками.

- Я тебя никому не отдам, голубушка моя. Вместе станем работать, таскать со станции на станцию бригады рабочих и оборудование. А пока ты там будешь, я может даже как-нибудь туда прилечу, с каким-нибудь грузом. Вон с Шуриком на пару прилетим. Он-то, наверняка, с удовольствием полетел бы в эту экспедицию. Он о том всю жизнь мечтает, - Далинский кивнул на Александра, растерянно прося у него поддержки.

Тот, потупившись, молча стоял у стенки. Герман ласково взял Виру за руку. Она грустно улыбнулась сквозь слёзы, с завистью смотря на Шурика. Почему вот он остаётся на "Клёне"? Его никто никуда не переводит, ни в какую экспедицию, хотя он был бы непрочь. Вот всегда так бывает.

- А когда они улетают? - спросила Вира.

- Еще не скоро.

- Я больше одного рейса там не останусь, - категорически заявила она.

- Я сделаю так, чтобы тебя отпустили, - твёрдо обещал Герман. - Один рейс - это всего на несколько недель.

А получится ли? Он и сам не знал. Не так-то это просто - спорить с руководством без серьёзных на то причин. Но может его послушают. Всё-таки его хорошо знают. Удовлетворяют просьбу.

Приветливо кивнув Вире и Александру, Далинский устало вышел из командного отсека.

У Виры пропало всё прекрасное настроение, как будто его и не было. Слишком счастлива она была и совсем не могла предположить, что что-то в состоянии разлучить её с Германом. Теперь она ничему не радовалась, думала только о предстоящей разлуке.

"Я не смогу работать в дали от него. Мне не пережить этой экспедиции. Для меня то время будет пустым и невыносимым. А кто ещё придёт сюда, на моё место? Ведь пришлют же Далинскому нового контактера. Может тот Герману так понравится, что он забудет про меня. Ему, собственно, всё равно, с кем работать, ко мне его ничего не привязывает. А если это будет женщина? - невольная лёгкая ревность начинала подкрадываться к растерянному влюблённому сердцу Виры. - Да я и постоянно буду беспокоиться за Германа: как он тут без меня, как бы с ним чего-нибудь не случилось. Он ведь ничего не боится. Когда я рядом, я могу защитить, предостеречь, а так... Одна надежда на Шурика, но разве сможет он, как я... Нет, не нужна мне никакая наука. После первого же рейса я уйду оттуда и вернусь на "Клён", - твёрдо решила для себя Вира.

* * *

Проходили дни, звездолёт, давно уже закончив разгон, летел теперь с постоянной скоростью. Уже больше половины обратного пути остались за экранами заднего обзора. Вирия понемногу успокаивалась. Она начинала смиряться с необходимостью ненадолго покинуть "Клён". Далинский же всё время уверял, что непременно сам вытребует её назад, а может быть и вообще сделает так, чтобы никуда не отпускать. Вира всей душой верила ему. К тому же, сердце её тихонько замирало от мысли, что и командиру очень не хотелось отдавать её, что он сам мучается, переживает, а значит, не равнодушен к ней. Но случались ещё такие моменты, когда она долгим взглядом всматривалась в лицо командира, как бы пытаясь прочесть в его бездонных глазах, не передумал ли он; как бы в очередной раз прося вступить за неё.

А на Земле шло обсуждение Вириных исследований по внеземным цивилизациям. Теперь она каждый раз с тайным нетерпением ждала очередного Звёздного Часа, чтобы узнать результаты. И сегодня должны были сообщить их.

В 20.00 как всегда все собрались в узле связи. Точно в установленное время вспыхнул экран, и звездолётчики опять увидели родную Землю, людей, которые ждали их. Из Центра управления на связь с ними вышел уже знакомый им руководитель. Он поздоровался с командиром и навигатором, приветливо улыбнулся Вире. По его улыбке она уже поняла, что результаты обсуждений есть и хорошие результаты. Руководитель сразу начал с этого.

- Мне поручено передать Вирии Дельмонг, что её сообщения, представленные научному миру, имеют немалую ценность и будут использоваться в дальнейших экспериментах. Контактёра Дельмонг благодарят за оказанную науке помощь и предлагают продолжить работы в этом направлении, опираясь на любую поддержку и участие. Ей также присуждается авторство на произведённые открытия.

Далее он задал Вирии некоторые вопросы для уточнения деталей, высказал замечания и предложения учёных по исследованиям и пожелал дальнейших успехов. Вира выслушала всё, радостно улыбаясь, записала замечания и поблагодарила за внимание к её трудам.

- С тебя причитается, - набросился на неё Шурик. - Давай, давай! Мы это так не оставим, - оглянулся он на командира.

- Ладно, потом, на Земле, - смеясь, отмахнулась от него Вира.

Затем руководитель выслушал текущие сообщения Далинского.

- Всё в норме, идём по намеченному курсу. Сейчас находимся в районе восемнадцатой галактики, - заканчивал свой доклад командир. - Скорректирована программа дальнейшего курса следования "Клёна" к Солнечной системе...

- Подожди, Герман, - прервал он его, - подожди с программой. Я знаю, что вы сейчас около восемнадцатой галактики. Послушай меня внимательно. Там у эпсилон созвездия Теллура есть планета, на которой не всё благополучно. Появились признаки неизвестной нам болезни, угрожающей ближайшим межзвёздным трассам. Ни малейших намёков на какую-либо форму жизни там нет, но, тем не менее, эпидемия поражает биологические ткани, и бороться с ней мы пока не в состоянии. По всей видимости, у неё не вирусная или бактериальная основа, а какая-то совершенно неведомая доселе. На планету была заброшена наша аппаратура. От неё мы регулярно получали данные о положении на планете, фотографии и диаграммы исследуемых образцов с предполагаемыми возбудителями болезни. Но вот уже вторые сутки, как сведения перестали поступать. Что-то произошло. А именно сейчас они стали так необходимы. Людей там нет, связаться мы ни с кем не можем. Герман, ты находишься ближе всех к Теллуру, заверни туда, посмотри, в чём дело, можно ли исправить поломки, хотя невероятно, чтобы что-то могло испортить аппаратуру. Посылать корабль с Земли - это значит терять драгоценное время. Дело в том, что, кажется, на Земле возник случай этого заболевания. Как лечить, не имеют представления. Спасение было в регулярной связи с планетой, а тут вот случилось такое... Герман, отыщи заброшенную туда капсулу с приборами, координаты я дам. Захвати результаты, те, что есть, и сообщи по срочной связи нам. Мы будем ждать, не отходя от экранов. Я знаю, вы возвращаетесь из трудного дальнего рейса, но кроме вас некому это сделать, ни одного нашего корабля нет в том районе.

- Ясно. Поворачиваем к эпсилон Теллура. Сделаем всё, что нужно.

- Только, пожалуйста, будь осторожен. Там всё до крайней степени неизвестно. Ну, ждём на связи. Желаю тебе удачи.

Получив новый приказ, Далинский не стал ждать, пока Вира с Шуриком кончат беседовать с домом, ушёл вносить изменения в программу маршрута. Вскоре они к нему присоединились.

- Слышали, мы должны выяснить, что случилось с аппаратурой. Придётся немного изогнуть траекторию "Клёна". Шурик, тебе придётся чуть-чуть поработать. Расчитай наиболее удобный путь к Теллуру. Наше свидание с Землёй ненадолго откладывается.

- Это же быстро. Завернём на минуточку, посмотрим на любопытную планетку, спишем информацию о ней и домой. Чем чёрт не шутит, вдруг опять откроем сенсационную новость, - снова загорелся от нетерпения Шурик, предвкушая неизвестность.

- Что могло произойти с капсулой? Почему перестала поступать информация? - спросила Вира.

- Может быть непредвиденная авария в системе передачи данных, или очаг возбудителей болезни как-то смог прервать работу приборов. Кто его знает, что это за штука. Не исключено и то, что случилось что-то серьёзное. Во всяком случае

будем искать причину.

"Клён", развернувшись, снова начал торможение, входя в созвездие Теллура.

- Где она, эта эпсилон? - внимательно разглядывала Вира карту Теллура, водя пальцем по линиям, соединяющим звёзды, от альфы - самой яркой и крупной в созвездии, до мельчайших безымянных звёздочек.

- Вот она, - показал Шурик на совсем небольшую точку в верхнем конце карты, - эпсилон. Имеет одну планету пока без названия.

- И та заражает чем-то. Вдруг придется ликвидировать, - вздохнула Вира.

- Слушай, а если это новая форма жизни, не биологическая и не минеральная, а совсем иная, подобная цивилизации Лёлика?

- Наверяд ли. Это не жизнь. Во всяком случае она неразумная, очень агрессивная и опасная для других форм. Её всё равно умирять надо. Ведь заболел же человек, даже не соприкасавшийся с ней напрямую.

Двигателям была быстро задана новая, поставленная навигатором задача, и корабль уже подлетал к звезде, держа курс на её единственную планету. Подготавливали всё также как при посадке на Феллу. Далинский командовал снижением, внимательно глядявываясь в общее состояние поверхности. Шурик рассчитал направление звездолёта на пригланувшуюся ему площадку и доложил готовность. Но приборы, дрожа стрелками, показывали не вполне благоприятные условия. Герман опытным привычным глазом пробежал по участку планеты, оценивая обстановку.

- Здесь небезопасно садиться. Не будем зря, без нужды рисковать. Поищем новое место в другой стороне.

Пролетев ещё немного, "Клён" сел на более подходящую поверхность.

- На планету выйдем я и Вира, - сказал командир. - Ты, Александр, останешься для связи и на всякий случай экстренной помощи. Нам нельзя полностью терять сообщение с "Клёном".

- Почему Вира пойдёт? - разочарованно спросил Шурик. - Для неё там нет ничего интересного. Ведь жизни не обнаружено. А моя помощь может там понадобиться.

- Твоя помощь может понадобиться здесь. Вдруг случится что-то, пригодятся мужские руки. А там будет полезней контактёр. Ей привычней иметь дело с чужими планетами.

- Ты напрасно думаешь, что мне нечего делать на планете, - вмешалась Вира. - Ты ведь знаешь, я интересуюсь внеземными болезнями. Ими занимается мой отец. Наверняка он сейчас работает с этой эпидемией. Мне легче разобраться в нужной информации.

- Будь внимателен, Шура. Сам ничего не предпринимай, жди нашего сигнала, - предупредил Далинский.

- Хорошо, - угрюмо ответил тот, видя, что присутствовать при открытии неизведанного ему не придётся.

- Вероятно, мы позовём тебя с трансъеткой, когда отыщем капсулу. Привезёшь необходимые инструменты, наверное, придётся заняться ремонтом.

Надевая скафандр и готовясь к выходу, Вира радовалась, что командир взял с собой её, а не Шурика. Рядом с ним ей было как-то спокойней и за него, и за себя.

Вместе с Далинским она ничего не боялась, чувствовала уверенность и готовность на всё.

Астронавты быстро спустились на плоскую поверхность планеты. Шурик, проводив их, наглухо загерметизировал звездолёт, включил систему дополнительной дезинфицирующей обработки, и стал ждать. Вира и Герман двинулись вперёд, разыскивая аппаратуру, заброшенную сюда исследователями. Поиск осложнялся из-за темноты. Звезда, ослепительно сиявшая в зените, совсем не освещала планету. Её лучи, не рассеиваясь, уходили в чёрную пустоту космоса. Никакой атмосферы здесь не существовало. Космический вакуум окутывал всё вокруг. Как могли в нём зародиться какие-то возбудители болезни? Не отставая от командира ни на шаг, Вира с интересом разглядывала окружающую местность.

- В каком же месте её могли установить? - спросила она.

- Не имею представления. Поищем. Время у нас есть. Как у тебя, Шура, всё в порядке? Слышишь меня хорошо? - проверил связь Далинский.

- Хорошо слышу, всё по-прежнему, - отозвался астронавигатор, терпеливо ожидая, что будет дальше.

Звездолётчики двигались зигзагом, медленно, стараясь не пропустить ни одной приметы, ни одного лёгкого следа, оставленного капсулой. Пока не было ничего, заслуживающего внимания. Присутствие заражения тоже ничем не обнаруживалось.

- Никаких следов, - вздохнула девушка.

Они порядком утомились, пройдя немалое расстояние.

- Ты постой здесь. Держи связь с Шуриком. А я пойду вон туда, влево, посмотрю, что там и вернусь. Никуда не уходи, чтоб я тебя не потерял, - оставил немного отдохнуть её Далинский.

Вира присела на какой-то выступ. Под ногами было много мелких камешков. Некоторые имели странный, непривычный здесь, чисто-белый цвет. Она подняла несколько, чтобы лучше рассмотреть, но вдруг послышался голос Германа:

- Иди сюда, Вира.

Вирия кинулась к нему. Они поднялись на пригорок, и их взору сразу открылся вид небольшой долины, иссечённой глубокими трещинами, в середине которой у подножия высокой скалы лежал контейнер, похожий на большой подводный батискаф.

- Да вот же она, - воскликнула Вира.

Звездолётчики подошли к капсуле. Всё везде было мертво и безмолвно. Капсула выглядела безжизненным куском металла.

- Так ведь тут, кажется, ничего не работает.

- Смотри, вход открыт! Что это? - произнёс поражённый Герман. - Даже внешняя защита не включена. Странно очень. Что-то случилось. Во всяком случае помещение теперь насквозь пропитано заразой и выведено из строя.

- Тут кто-то побывал.

- Возможно.

- Может они и теперь там? Осторожней! - крикнула Вира, видя, что Далинский собирается проникнуть внутрь.

- Зайдём всё же, посмотрим, что здесь творится. Надо ведь взять

информацию с приборов и посмотреть, в каком они состоянии.

Командир и контактёр вошли в распахнутый настежь люк, поднялись в приёмный отсек. Ни одна система не работала. Двинулись по коридору.

- Пусто.

- А эта дверь куда?

- На передающую станцию. Что за чёрт! - Герман попытался отворить плотно задвинутую дверь, но она не поддавалась ни на миллиметр. - Намертво заклинило.

- Попробуем вот ту, - указала Вира на другую, ведущую в лабораторный отсек.

Они осторожно открыли легко разошедшиеся створки и... остолбинели. Вся аппаратура, находящаяся тут, была до основания разрушена, установки безнадёжно искорёжены и разбиты, на полу валялись осколки стекла и металла, разлилась какая-то жидкость. Стенки отсека, сделанные из прочного сплава, сохранились целыми, а неметаллическая стена, предназначенная для связи с внешней средой, треснула в нескольких местах.

- Это землетрясение, - произнёс Герман. - Ты заметила глубокие трещины по всей поверхности долины? Они появились уже после того, как здесь установили капсулу. Сильные толчки раскололи почву и повредили её корпус, нарушилась герметизация, разбились приборы. Теперь это не станция, а металлолом.

Вира прошла по лаборатории, разглядывая остатки приборов, стараясь отыскать хоть что-нибудь уцелевшее. Осмотрела соседние отсеки. Везде было тоже самое.

- Вот почему она молчит двое суток.

- Александр, ты меня слышишь? - Далинский вызвал на связь "Клён".

- Да, Герман Мстиславович, жду указаний.

- Мы нашли капсулу. Она уничтожена землетрясением. Твоя помощь не потребуется. Мы здесь уже ничего не сможем сделать. Надо завозить новую аппаратуру. Теперь соберём данные, какие есть, и будем возвращаться.

- Говорите, землетрясение? У меня тут тоже ощущаются какие-то покачивания.

- Вот как? Надо убираться отсюда... Ну, хорошо. Мы сейчас, быстро. Жди.

Командир ещё раз посмотрел на все разрушения в капсуле.

- Нужно было хорошенько предохранить оборудование от подобного, - строго произнёс он.

- Кто же мог знать, что здесь такие землетрясения.

- Мы должны учитывать всё. Иначе наша работа бесполезна. Ладно, давай скорее собирать всё, да пора уходить. Кажется начинаются новые толчки. Только остерегайся, не повреди скафандр, а то в момент можно получить заражение.

Вира с Германом переписали всю информацию с приборов, собрали магнитные ленты и снимки и выбрались из никому не нужной больше капсулы.

- Смогут ли спасти жизнь больному? Слишком мало информации для поисков эффективных средств. Может быть хоть вот это как-то поможет в лечении. Больше ему, бедняге, рассчитывать не на что. Пока сюда пришлют другую лабораторию, сколько времени пройдет. Для него уже будет поздно, - с горечью проговорил Герман.

Когда они выходили, почву под ногами несколько раз сильно потрянуло. Ещё один толчок. Капсула качнулась и, наклонившись на бок, ударилась о скалу, рядом с которой стояла.

- Быстрее, быстрее! - закричал командир, зовя Виру за собой, в более безопасное место, куда он отступал от скалы.

Но в тот же миг скала вдруг треснула и беззвучно, словно в немом видеоролике, стала обваливаться. Вира ничего не успела сообразить, только почувствовала, как Далинский, бросившись назад, к ней, сильно толкнул её в сторону, за стену капсулы. Она упала и в следующее мгновение, точно во сне, увидела, что огромная каменная гора медленно оседает вниз, накрывая командира всей своей массой. Густая пыль покрыла всё пространство. Вира вскочила на ноги. Ничего больше не напоминало о том, что здесь висилась скала. На ровной гладкой поверхности почвы лежали только битые камни. Помятая и опрокинутая капсула одиноко висилась среди этой пустыни.

- Ге-е-ерма-а-ан!!! - в ужасе закричала она, бросившись к бесформенной грудке камней, под которой был теперь погребён Далинский. - Не-е-е-ет!

Вира в отчаянии начала разбрасывать острые камни, надеясь найти, освободить, спасти самого дорогого ей человека, не в состоянии поверить в случившееся, в то, что его уже нет. Бесполезно было раскидывать руками эту грудку, казалось, её уже ничем нельзя своротить с места. Вира только порвала скафандр и поцарапалась. Она поднялась, смотря невидящим взглядом на покрытые пылью осколки.

"Нет! Не может быть! Герман!" - Вира никак не хотела смириться с тем, что произошло. Далинский должен спастись, да не мог он, не имел права погибнуть, ведь она так любит его, он так нужен им с Шуриком. Ей все чудилось, будто командир тоже успел спрятаться где-нибудь и сейчас выйдет к ней живой и невредимый.

Но она была одна посреди этой зловещей, чудовищной планеты, заражённой ужасной болезнью, о которой она сейчас совершенно не думала. Она совсем забыла, что здесь может существовать ещё какая-то опасность, кроме той, что погубила Далинского. До неё доносилось только глухое ощущение подземных толчков. Почву так качало, что трудно было стоять на ногах. Вира вспомнила, что ей надо возвращаться на "Клён", нести всё то, что они с командиром добыли в капсуле. А она не могла сдвинуться с места. Она не могла уйти отсюда, отсюда, где навсегда уже останется Герман.

* * *

Александр сидел на связи, не отрываясь ни на минуту, и с беспокойством ждал возвращения астронавтов. Что-то они долго не отзывались, а землетрясение усиливалось. "Клён" уже не раз подвергался сильным толчкам. Шурик опасался, как бы звездолёт не получил повреждений. Он уже сам хотел поторопить их, но вот открылся лифт дезинфекционного отсека и появилась Вира. Она пришла одна, в разорванном скафандре, вся с ног до головы в грязи, едва держалась на ногах.

- Что с тобой? - кинулся к ней Александр.

Вира остановилась в дверях, не в силах сделать больше ни шага.

- Герман... погиб... - срывающимся голосом проговорила она.

- Командир! Что ты... Как? - Шурик тоже в эту нелепость верил с трудом.

Им казалось, что командир бессмертен, что он обязан жить вечно, что с ним просто не должно, не может ничего случиться. Ведь он способен выбраться из любой безвыходной ситуации, ведь он всё может.

- Он меня спас, а сам...

- Может он жив ещё?

Вира закрыла глаза и ничего не ответила. В это время "Клён" так сильно трянуло, что они повалились с ног.

- Надо немедленно взлетать! - Александр кинулся на пульт и дал команду к подъёму уже давно включённым двигателям.

- Что с вами произошло? - вернулся он к Вире.

Она бессвязно, с трудом рассказала Шурику обо всём.

Навигатор был ошеломлён. Где-то глубоко в душе временами он немного даже эгоистично радовался, что Вира всё-таки осталась жива, что командир сумел спасти её. Но его сердце до краёв переполняло сознание чудовищности, нелепости приключившегося, что самого командира больше нет. Пока он находился рядом, Александр всё умел. Он был за Далинским, как за каменной стеной. Он не боялся совершить ошибку, зная, что командир всегда придёт на помощь, всё исправит. Шурик часто представлял себя на его месте, будто это он командует кораблём. Далинский не присутствовал в его мечтах, он даже мешал Шурику. Навигатор хотел самостоятельности. А сейчас, оставшись один с Вирой, Александр испугался. Теперь он сам не в мечтах, а наяву должен отвечать за неё и за "Клён", за выполнение приказа. Вот он и стал вдруг командиром пусть маленького экипажа, но большого звездолёта, и от его решений зависит, доберутся они до дому или нет. Сможет ли Шурик привести корабль к Земле? Только в этот момент он чётко осознал, как нужен ему Далинский.

В то же время, волна огромной нежности к Вире охватила его целиком. Это наступило после первого прилива страха за жизнь девушки. Шурик почувствовал, что она близка ему сейчас как никогда. Они остались вдвоём, и он ощутил потребность беречь её изо всех сил, сделать всё возможное, чтобы Вира не испугалась потере командира, как испугался он сам.

* * *

- Мы успели собрать информацию, - Вира медленно протянула Шурику всё, что они с Германом захватили из капсулы. - Надо передать на Землю. Там ждут. Это очень важно для поисков путей лечения больного. Герман сказал... что тому человеку больше не на что рассчитывать, его спасение только в этом.

Навигатор взял данные, настроился на передачу и повернул тумблер включения экрана связи с Землёй. Но экран не вспыхнул. Он по-прежнему оставался тёмным и безмолвным. Шурик попробовал ещё раз - тот же результат. Тогда он переключился на приём, зная, что на Земле каждую секунду ждут, когда "Клён" заговорит. Экран безнадежно молчал. Аварийная связь тоже не работала. Александру удалось оживить экран только на коротких, никому не нужных сейчас, волнах ближней связи. На загоревшемся, наконец, экране появилось лишь пустое и безжалостное пространство космоса. Ни одного звездолёта, ни одной, даже самой маленькой станции, не было в этом районе.

- Вира, мы не можем ничего передать на Землю, - растерянно произнёс он. - Нарушена система связи, и основная, и аварийная. "Клён" в состоянии связаться с кем-нибудь только в радиусе не более одного парсека. Что-то случилось. Неужели землетрясение повредило связь? Мы пропали.

- А как же информация? На Земле ждут новых сведений.

- Мы не можем связаться с ними. Теперь передадим всё только, когда вернёмся домой.

- Долго. Может оказаться поздно, - горестно проговорила Вира и вдруг спохватилась. - Что! Не будет больше и Звёздных Часов?

- Не будет, - ответил Шурик.

- Мы теперь отрезаны от всей вселенной?

- Ну, почему... Может встретим по дороге какой-нибудь звездолёт. Свяжемся с ним по ближней связи.

Вира безнадежно усмехнулась.

* * *

А через час, убедившись, что исправить повреждённую дальнюю связь в условиях полёта невозможно, Александр, к своему ужасу, заметил, что этим беда с "Клёном" не кончилась. На корабле происходила утечка воздуха. Он обнаружил, что давление в кислородной станции резко падает. Весь воздух, вырабатываемый для дыхания, улетучивается в космос. На экране-схеме в этом месте горела яркая красная лампочка аварийной ситуации. Значит, землетрясение испортило не только дальнюю связь, но и нарушило герметизацию корабля. Хорошо хоть надёжная внешняя защита работает безотказно. Но она вот не в состоянии препятствовать утечке воздуха. Кислородная станция выведена из строя и обновления воздуха теперь не будет, а на имеющемся сейчас в отсеках, который ещё и постепенно улетучивается, долго не протянешь. "Клён" прошёл значительную часть пути, но до Земли оставалось всё же неблизко. Это было страшнее, чем потеря связи, и грозило серьёзными последствиями.

Шурик побоялся сказать обо всём Вире, к вечеру она почувствовала себя неважно. Слишком много горьких событий обрушилось сегодня на них. Вира не могла ещё прийти в себя от мысли, что Герман погиб, погиб определённо из-за неё. Если бы не её неповоротливость, конечно, он бы спасся.

Они с Шуриком сидели в отсеке отдыха молча, понурившись, не разговаривая ни о чём. Вира закуталась в одеяло и, забравшись с ногами в кресло, тупо, не отрываясь, смотрела на картину с морским пейзажем. Закат солнца неприятно дразнил её своими чудесными красками. Широко открытые синие глаза Виры блестели, из них готовы были в любую минуту политься слёзы. Часовое табло показывало 20.00. С этой секунды должен был начаться Звёздный Час. Вира и Александр знали, что на Земле сейчас с ещё большим вниманием ждут их на связи, надеясь, что "Клён" именно в это время обнаружит себя, что он просто не имел возможности откликнуться раньше. Знали они и то, что их родители и друзья уже давно дознались об исчезновении звездолёта Далинского и тоже не отходят от видеоэкранов, боясь думать о самом худшем. Но что могли поделать с взбуревавшейся стихией двое ещё очень молодых людей, которые только начинали совершать свои первые уверенные шаги по совсем не доброжелательной к людям

вселенной.

- Шура, попробуй ещё раз включить экран, - ни на что не надеясь, попросила Вира.

- Бесполезно. Повреждена центральная станция. Тут нужна бригада опытных техников.

Вира поднялась, болезненно ёжась, поплотнее завернулась в одеяло. Она не могла отделаться от противного озноба, мучившего её весь вечер.

- Пойду, лягу спать.

- Спокойной ночи, - пожелал Шурик, беспокойно смотря ей вслед.

* * *

Ночью Вира почувствовала себя ещё хуже. У неё поднялась высокая температура. Она было подумала, что простудилась, но потом появились странные признаки. Сначала Вира заметила, что у неё временами пропадает зрение. То она видела хорошо, то вдруг мгновенно всё расплывалось перед глазами, превращаясь в белые пятна на чёрном фоне, как будто она смотрела негативную плёнку. Затем нормальное зрение снова возвращалось. Такое чередование происходило через приблизительно равные промежутки времени. Вира испугалась. Это было страшно, особенно чёткая методичность повторяемости.

Вскоре Вира обнаружила, что пальцы её рук теряют чувствительность, совсем не ощущают предметов, к которым прикасаются. Как будто пальцев совсем нет. К тому же, они приобрели странный красноватый цвет. Вире показалось, что она их чем-то запачкала, но оттереть, как ни старалась, не могла. Потом такого же цвета пятна начали появляться и на всём теле, и оно тоже местами теряло чувствительность. А когда у неё стали неметь внутренности, Вира окончательно поняла, что заболела этой непонятной, неведомой болезнью, которую обнаружили на той, такой беспощадной к ним планете. Она - второй человек, попавший в её жуткий плен, после ждущего на Земле с надеждой помощи от них.

Как она могла заразиться?

Вира вдруг вспомнила свой порванный антиинфекционный скафандр, лицо и руки, измазанные противной грязью, вспомнила как разбрасывала острые камни. И тут же в её памяти отчётливо всплыли заботливые, оберегающие слова Германа: "...остерегайся, не повреди скафандр, а то в момент можно получить заражение."

Всё ясно. Этого и нужно было ожидать. Как она забыла о той, главной опасности! Вире припомнился отец, его опыты и методы лечения ужасных, непонятных, никогда не встречающихся на Земле болезней. Она часто для своего интереса помогала ему, знала почти все особенности того или иного заболевания, какие из них удавалось вылечить, а какие нет. Вира сейчас перебирала в памяти каждую их отличительную черту, каждый признак, известный ей. Ну, конечно! То, что она ощущала в себе сейчас, уже было, отец уже однажды мельком сталкивался с такой инфекцией. Да, те же симптомы! Все основные признаки налицо. А на планете! Всё сходится! Поражённые возбудителями неестественно белые камни, которые вчера заинтересовали Виру. Этот цвет - главный показатель влияния заразы на минеральные объекты.

Да, без сомнения поняла она, это та, не биологическая форма эпидемии, и бороться с ней, практически, невозможно. Значит её ожидает только один

страшный, мучительный исход. Как странно, Вира везёт спасение больному человеку на Землю, а сама, имея ценнейшие данные, себе помочь ничем не может. Нужны учёные, лаборатории, новые, неизвестные пока, лекарства. Если бы знал отец, определённо работающий сейчас над этой задачей!

"Ну где ты, Звёздный Час? Почему именно теперь, когда ты особенно необходим, тебя нет!"

* * *

Удивительно, что разобравшись в своём положении, во всём, что её ждёт, Вира не испугалась. Вернее, испугалась в самое первое мгновение, у неё даже дух перехватило от объявшего её ужаса, но потом какое-то спокойное равнодушие овладело ею. Вира не ощущала ни отчаянья, ни жалости к себе. Вдруг невыносимо жалко стало только своих родителей. Самой же ей почему-то было всё равно. Быть может от того, что Герман-то ведь умер. А без него она не представляла своей жизни. Мысль, которая первой пришла Вире в голову после гибели Далинского, была о том, что вот он погиб, а она всё живёт. Так не должно быть! Вира тогда искренне возмутилась такой несправедливости. И вот теперь то её желание исполнялось. Ей предстояло умереть тоже. Она чувствовала, что готова к этому. Но оказаться одной, совершенно одной со всем, что она ещё вынуждена будет испытать, всё-таки страшно. А что теперь Вира останется совсем одна, уже ясно. Ей не придётся общаться даже с находящимся около неё единственным живым человеком - Шуриком, чтобы уберечь его от такой же участи. Вира понимала, это в её силах и, не задумываясь, решила во что бы то ни стало не подпускать к себе навигатора и никогда больше не выходить из отсека, остановить распространение заражения на весь корабль. Поэтому, когда утром Александр постучался к ней, собираясь узнать всё ли в порядке и как она себя чувствует, девушка не открыла ему.

- Вира, ты зачем заперлась? Почему ты молчишь? Скажи, в чём дело? - спросил он через дверь.

- Шурик, я заболела, заразилась этой болезнью с планеты.

- Откуда ты знаешь?

- Ну, мне ли не знать! Я кое в чём разбираюсь. У меня сильный жар.

- Может ты просто простудилась?

- Нет. Я точно определила. Есть другие признаки.

Шурик замолчал, ошарашенный новым страшным известием.

- А что теперь будет?

- Не знаю, Шурик. Ты не должен входить ко мне, чтобы самому не заболеть.

Понял?

- Ты что! Тебе же нужно чем-то помочь!

- Ничем помочь нельзя. Сам прекрасно понимаешь, не хуже меня.

- Неужели и ты тоже!..

Как же так! Ведь Александр только вчера радовался, что девушка осталась жива, спаслась, что больше ей ничего не угрожает. И вот опять всё сначала. Опять угроза потерять её. Ну, почему!?

Навигатор начал со всей силы дёргать ручку двери, пытаясь ворваться внутрь. Он никак не хотел согласиться с тем, что больше не сможет увидеть Виру.

- Шура, я запрещаю тебе открывать эту дверь! Я уйду в консервационный отсек, прочно закроюсь там, чтобы меня уже больше ничего не связывало с другими помещениями звездолёта. А ты включи дезинфекцию на всём "Клёне" и обещай мне никогда не искать способа приблизиться ко мне.

-Так я же не смогу с тобой даже разговаривать, если ты будешь в консервации.

- Ты это в скором времени не сможешь в любом случае, - тихо произнесла она, предчувствуя, что её ожидает через несколько часов.

Знать, что Вира находится здесь, рядом, в соседнем отсеке, что она ещё жива, думает о нём, Шурике, и не имеет возможности общаться с ней, быть уже сейчас отрезанным от неё навечно, это Шурику казалось невыносимо. Вчера он потерял командира, а скоро должен потерять и другого, самого дорогого ему, человека - Виру. Он понимал, что какую бы иную, но эту её болезнь вылечить нельзя. Навигатор стоял у Вириной двери, боясь отойти, и время от времени звал её по имени.

- Не пущу тебя туда. Я буду с тобой.

- Не дури, Шура, я вынуждена это сделать. Не допущу, чтобы ты тоже заразился. Уходи! - зло закричала Вира. - Иди быстрее, включи защитную систему, - снова приказала она ему.

Он, опомнившись, побрёл на пульт. Вернувшись назад, Александр уже не застал там девушку. Вира теперь находилась в герметичном, непроницаемом консервационном отсеке.

Ну, вот и все. Астронавигатор один на огромном звездолёте. Он уже не мог услышать ни одного человеческого слова ниоткуда. Экран безжалостно молчал. Шурик бродил по пустому "Клёну", не зная куда деться, и, не переставая, думал о Вире.

"Проклятая планета со своей дурацкой эпидемией. Ведь всё было так хорошо. Мы возвращались домой с отлично выполненным заданием. Все были довольны. Дома уже ждали нас. Почему случилось такое, что именно нам пришлось лететь в это пекло? Если бы не внезапный случай заболевания, мы бы спокойно вернулись на Землю, а оттуда послали бы другую, специально подготовленную экспедицию. Все бы остались живы: и Герман Мстиславович, и Вира. Вира, моя синеглазка! Как я мечтал всю жизнь быть рядом с тобой! Почему я не сказал тебе обо всём раньше, о том, о чём думал каждый день, каждую минуту, о том, что я тебя люблю. Я всё ждал чего-то, боялся. Казалось, куда спешить, ещё успею. Не хотел тебя тревожить. Ты ведь была влюблена в командира. А теперь поздно. Назад не вернуть! Ты, наверное, так и не узнала о моей любви. Что же будет теперь? "Клён" повреждён серьёзно. Ему уже не летать, во всяком случае, долгое время. Меня, единственного оставшегося члена экипажа, значит, переведут на новый звездолёт, к новому командиру, к другим людям. Хорошо, если бы удалось попасть в исследовательскую группу", - украдкой подумал Александр и удивился этой приятной мысли, пришедшей сейчас, в такое время. От неё ему стало неловко и ещё более тоскливо. По сути дела, без Виры он не хотел ничего.

"А если ещё не всё потеряно? Если она сумеет дожить до Земли? Тогда её спасут, спасёт отец, непременно! Но наврядли она сумеет. Ещё лететь и лететь, а у

неё непосредственное заражение. Это хуже, чем у того, на Земле. Она протянет совсем недолго".

* * *

Вира в это время, уединившись в консервационном отсеке, пыталась сообразить. всё ли она сделала как надо, чтобы уберечь "Клён" и Шурика от заражения, не допустила ли какой-нибудь непростительной ошибки. Но сознание ей плохо подчинялось, мысли бестолково путались. Она с трудом могла связывать их. Вире становилось всё хуже. Болезнь быстро развивалась. Порой девушка впадала в забытие, но когда в голове прояснялось, она снова начинала думать об Александре, о погибшем командире.

"Шура, прошу тебя, передай материалы на Землю, спаси того человека. Пусть не я, но он-то должен остаться жить... Неужели всё напрасно, напрасно погиб Герман?.. Ты прости меня, милый мой, прости, что я люблю не тебя, а Германа. Я так часто мучила тебя, но я ничего не могла с собой поделать. Я не могла тебя полюбить..."

- Почему ты молчишь? Что ты так смотришь на меня? - вопросительно обратилась Вира к Александру, видя, что тот стоит у стены отсека и, не мигая, смотрит на неё. - А как ты сюда попал? - спохватилась вдруг она. - Ко мне невозможно проникнуть, всё заперто!

Немая фигура Шурика продолжала неподвижно стоять и смотреть.

- Что ты делаешь! - её сердце разрывалось от страха за навигатора и собственного бессилия оградить его от неминуемого заражения. - Почему ты здесь!?

Затем всё исчезло, наступил мрак. Когда Вира снова открыла глаза, вокруг было по-прежнему пусто. Она вытерла ладонью мокрый лоб. Значит ей показалось, что Шурик находился здесь. Это просто бред. Конечно, бред. Снаружи в консервационный отсек сейчас никто не может войти. Вира немного успокоилась.

Потом она ещё ни один раз видела, как Александр стоял около стенки напротив неё. Иногда появлялся отец, такой же, каким он был на экране связи во время последнего Звёздного Часа. Вира пыталась рассказать ему, что с ней произошло, пожаловаться, попросить у него помощи, но он как будто не слышал, только ласково улыбался в ответ.

Так продолжалось довольно долго. То Вира приходила в себя и озирала привычную обстановку отсека, то снова в её разгорячённом мозгу возникали образы близких ей людей. Температура ещё больше повысилась, своего тела Вира уже почти не ощущала. Оно представлялось ей печью, в которой неистово бушевал огонь.

Сколько времени прошло, она не знала. Вира давно потеряла ему счёт. Казалось, что пронеслись многие сутки, на самом же деле всего несколько часов назад девушка скрылась в этом помещении. Теперь с каждым прояснением сознания Вире становилось всё более жутко. У неё появлялся безотчётный непреодолимый страх. Она временами уже малодушно начинала жалеть, что не осталась с Шуриком, но тут же, опомнившись, злилась на такие свои мысли. О том, чтобы выйти из консервационного отсека, Вира даже думать себе запретила. Она понимала, что рано или поздно всё кончится. А это случится скорее рано, чем

поздно. Зрение у неё восстанавливалось сейчас всего на несколько минут. Промежутки негативного восприятия стали слишком длинными. Скоро Вира не сможет видеть совсем и тогда... наступит конец. Так должно быть по известным ей признакам.

И девушка решила не ждать пассивно, что будет дальше. Она стала внимательно следить за своим состоянием и попыталась записывать всё, что с ней происходит, с её телом и сознанием, что она видит и ощущает. Это занятие как-то даже отвлекало от навязчивого страха и отчаяния. Вира, как могла подробно, записывала все стадии, по которым развивалась её болезнь. Она знала, что эти записи потом найдут, и была уверена, они помогут в лечении эпидемии. Пусть будет хоть какая-то польза от её смерти. Вира радовалась мысли, что отец останется доволен своей дочерью, будет благодарен ей. Писать было очень трудно, но она заставляла себя делать это, пока возможно, пока потерявшие чувствительность пальцы нащупывают клавиши записной книжки, пока глаза способны хоть немного видеть.

* * *

Шурик то и дело подходил к дверям, за которыми замуровала себя Вира. Были минуты, когда он непременно хотел нарушить её крепость. Ему казалось, что будь он рядом с ней, для неё была бы большая вероятность выжить.

Вдруг Шурик подумал, что Виру надо уложить в анабиоз. Тогда все процессы в её организме затормозятся, развитие болезни прекратится, и она сможет дожить до Земли. Он кинулся к консервационному отсеку, соображая, почему же ни он, ни даже Вира, раньше не додумались до этого; что теперь уже может быть поздно, Вира не откроет ему. Но в следующее мгновение остановился, как вкопанный, от одной ужасной мысли:

"Ничего не выйдет, анабиоз не поможет. Ведь он приостанавливает жизнедеятельность только биологических организмов, а у возбудителей этой болезни структура совсем иная. Значит он на них не подействует, они будут продолжать свою губительную работу, значит болезнь не перестанет прогрессировать даже в неживом теле Виры до тех пор, пока оно не распадётся окончательно. Так что, уложив Виру в анабиоз, разбудить её уже не удастся. Там она погибнет ещё быстрее, сопротивляемости организма инфекции совсем не будет."

Поняв это, Шурик повернул назад и опять поплёлся к себе.

* * *

- Герман. Наконец-то. Как долго Вас не было, - Вира с каким-то странным облегчением вздохнула, заметив фигуру командира в своей комнате, будто она ждала его давно, мучительно долго.

Как ей хотелось, чтобы он пришёл! Вире казалось, что и больна она была, и чувствовала себя так плохо только от того, что целую вечность не видела Германа, что боялась совсем его больше не увидеть. С его появлением ей вдруг стало так хорошо, что она мгновенно выздоровела.

- Видите, я немного заболела, но скоро всё пройдёт, - как бы извиняясь, произнесла Вира, глядя на спокойное бледное лицо Далинского.

Она несколько не удивилась, что Герман вдруг очутился в отсеке, и не испугалась за него как за Шурика. Каким-то неясным внутренним чувством девушка

понимала, что ему не грозит опасность заражения. Также совершенно естественным ей показалось, что командир стоит вот тут, перед ней, живой и здоровый. Она и не вспомнила о том, что его уже нет в живых.

Вира опять бредила. Сейчас это длилось необычно долго. С того момента, как она окончательно потеряла зрение, к ней уже не возвращалось сознание. Далинский же появился перед ней в первый раз и принёс с собой некоторое душевное и физическое облегчение.

- Герман, мне так было плохо без Вас... - Вира благодарно посмотрела на него. - Мы не смогли ответить Земле после взлёта. У нас ничего не вышло... Связи нет... "Клён" повреждён, - виновато начала объяснять она командиру, пытаясь приподняться. - Зря, всё зря! - снова в изнеможении упала она на постель.

Далинский смотрел на неё, успокаивающе улыбаясь своей удивительной приятной улыбкой.

- Я заразилась на этой планете... Шурик в безопасности, потому что я теперь здесь... Мне страшно. Не покидайте меня, Герман!

Вира опять попыталась подняться. Она боялась, что он уйдёт, и опять ей придётся остаться одной в большой жуткой комнате.

Неподвижная высокая, стройная фигура командира шевельнулась и медленно, бесшумно, словно тень, подошла к Вире. Герман остановился у изголовья, как-то странно незнакомым взглядом всматриваясь в её лицо, будто хотел что-то прочесть в нём. Его огромные карие глаза по-демоновски сверкали над ней. Их взор проникал в самую глубину Вириного существа. Вира с каким-то мучительным наслаждением впитывала его в себя.

Далинский протянул руку. Длинные пальцы его коснулись головы Виры. Герман осторожно провёл ими по её лбу, по мягким завиткам волос. Вира отчётливо ощутила холод этих пальцев. Она хотела дотронуться до них, но не смогла даже пошевелиться. Затем он положил свою руку на плечо девушке. Вира вопросительно глядела на него. Далинский, всё так же молча, странно улыбаясь, сделал знак рукой, как будто приглашая её идти куда-то. Ей захотелось встать и последовать за ним, если бы только были силы.

Продолжая ласково манить за собой Виру, Герман начал тихонько отходить в глубину отсека. Он постепенно удалялся, не отрывая от неё зовущего взгляда. Его силуэт стал словно растворяться в каком-то молочном сумраке помещения. Вира уже не ощущала вокруг себя ничего, только эту неясную фигуру командира. Она неосознанно чувствовала, что помимо своей воли движется следом за Германом. Смутным тревожно-счастливым ожиданием была полна душа её.

В эту ночь Вира умерла. Рядом с ней на столике остался лежать блокнот со сбивчивыми неоконченными записями о течении её болезни, которые теперь прочтут лишь на Земле люди, вскроющие консервационную камеру.

* * *

Александр сидел в командном отсеке и безразлично смотрел на обзорные экраны. Там всё было одно и то же: чёрный холодный пустой космос. Никакого движения вокруг. Он уже давно включил сигнал бедствия по единственной действующей на звездолёте ближней связи. Шурик надеялся, что может быть всё же появится в её зоне какой-нибудь корабль. Тогда он был бы спасён. Чем дальше, тем

янее становилось, что "Клён" повреждён опасно. Сможет ли он благополучно достичь Земли? Шурик, как ни старался, связь наладить не смог. С воздухом тоже было плохо. Он не мог найти место, где и в какой степени повреждена оболочка корабля и откуда постоянно наружу просачивается воздух. А восстановить разрушенную кислородную станцию он был не в силах. Недостаток воздуха стал чувствоваться во всех отсеках.

Навигатор просмотрел ещё раз свои расчёты: сколько ему нужно воздуха, чтобы долететь до дому. Положение оказалось неважным. Если даже утечка не будет увеличиваться, то и тогда получалось, что нечем станет дышать уже за тридцать часов до посадки. И это при условии передвижения "Клёна" с неизменной максимальной скоростью, без учета непредвиденных маневров. В скафандрах же запаса воздуха хватит самое большее часов на десять.

Шурик плотно сжался в своё кресло, раздумывая над создавшимся положением. Оставалась ничтожная надежда на случайную встречу с каким-нибудь пролетающим мимо кораблём. Но на это серьёзно рассчитывать было смешно.

Александр взглянул на пустые места командира и контактера. Теперь он хозяин "Клёна" и мог бы давно занять командирское кресло, но всё ещё как-то не решался. Ему по-прежнему казалось, что Далинский и Вира только что вышли из отсека и сейчас вернутся назад. На пульте Далинского до сих пор лежали карты маршрута, которые он рассматривал перед посадкой на злосчастную планету. Как далеко позади остался эпилон Теллура, ставший его безвременной могилой. Раненый "Клён" всё же упорно продолжал отсчитывать парсек за парсеком, отделяющие его от Земли. Но, бедный, как бы он ни старался, ему не опередить безжалостное исчезновение из его чрева пригодного для дыхания воздуха.

Шурик перевёл взгляд на Вирино сиденье, располагающееся слева от командира. Оно тоже хранило тепло её недавнего присутствия.

"Жива ли ещё Вира? Что там с ней?" грустно подумал Александр. - Неизвестно, что лучше. Если бы она находилась здесь, со мной, шансов жить у неё было бы не больше. Тогда бы воздух на корабле надо бы было делить на двоих. Он бы закончился ещё быстрее. Хорошо, что я не успел сказать обо всём Вире. Хотя это её не мучит там. Там, в консервационном отсеке, воздух сохраняется, его может быть даже хватит до Земли. Только вот дышать им там, видимо, станет некому. Был бы на "Клёне" ещё один консервационный отсек... для меня. Я бы задал программу полёта и посадки, и умница-корабль сам прилетел бы на Землю без участия экипажа... Конечно, если бы ему ничего не помешало и не сбило с курса, - усмехнулся навигатор. - СТОП! А что, если... если мне закрыться тут, на пульте, так, чтобы наружу отсюда не проникали ни молекулы здешнего воздуха. Герметизация отсека позволит это! Стены его целы. Когда воздух со всего звездолёта, в конце концов, вытечет, в командном отсеке он останется в прежнем количестве. Так. На сколько мне его хватит, если дышать спокойно и не делать резких движений?"

Шурик снова углубился в расчёты.

"Замечательно! Кислорода вместе со скафандрами должно хватить, по крайней мере, до ближайшего спутника или станции в нашей солнечной системе. А там услышат мой сигнал тревоги и помогут. Кажется, я смогу вернуться на Землю! Неужели я выживу? Хотя один из всех!"

Навигатор сразу повеселел. Уверенность, что он вернётся домой, росла с каждой минутой. Александр начал готовить командный отсек к герметизации. Теперь останется жить и функционировать единственный клочок территории всего, станущего абсолютно безжизненным, огромного "Клёна". И этот клочок будет поддерживать работу его продолжающего биться "сердца" и заставлять двигаться вперёд, к родной Земле, к спасению.

Шурик шёл по коридорам, проверяя, всё ли в норме на корабле, можно ли оставить его без присмотра на длительное время. Выключал ненужные теперь системы и регуляторы, устанавливал антиаварийную блокировку и защиту, заглядывал во все уголки, как делают люди, надолго покидающие свои жилища.

Он остановился около консервационного отсека, сам не зная зачем, подергал намертво запертую дверь. Здесь всё было без изменений. Постояв немного, Шурик включил на всякий случай дополнительную наружную защитную систему помещения.

Проверяя личные отсеки экипажа, он надёжно запирали их. Зайдя к себе, Александр забрал кое-какие вещи, которые могли бы ему понадобиться. Собираясь уходить, он заметил на столе черновики со своими незаконченными стихами. Хотел взять их, но вдруг повернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Рядом находилась комната Далинского. Шурик заглянул и туда посмотреть, всё ли в порядке. С порога включил освещение. В комнате было пусто и неуютно. Ему бросился в глаза висевший над кроватью смешной чёртик, который ехидно улыбался. Александр, не отрываясь, рассматривал его некоторое время. В эти минуты он готов был поклясться, что чёртик вызывающе кривляется, все время меняя выражение лица, словно издевается над ним. Шурик мотнул головой. Нет, это только показалось. Игрушка продолжала мирно покачиваться на своей ниточке. Он ещё раз проверил обстановку и перекрыл вход в отсек.

Вернувшись на пульт управления, Шурик немедленно закрылся, установив герметизацию. Теперь оставшийся тут воздух уже не мог проникать наружу. Навигатору оставалось лишь ждать и, по-возможности, экономней расходовать его. Александр проверил канал ближней связи, работающий на непрерывный приём, чтобы немедленно отыскать своего спасителя, которому может случиться наткнуться на посылаемый "Клёном" сигнал бедствия, и сел в кресло командира. Вместе с надеждой вернуться домой он, наконец, почувствовал, что только сам может и должен обеспечить себе путь туда. Всё зависит теперь от его действий. И Шура уверенно положил руки на центральные рычаги управления.

* * *

Прошло много часов, как Александр заперся в командном отсеке. "Клён" по-прежнему мчался, не встречая на своём пути никого и ничего. Навигатор уже начал замечать, что кислород в помещении постепенно убывает, заменяясь углекислым газом, выдыхаемым им. Он то и дело разглядывал маршрутную карту, вычисляя, сколько ещё осталось лететь. Больше суток. Как долго! Ему ещё никогда в жизни не доводилось почувствовать, что сутки - это невыносимо много, что это способно стать целой вечностью, и не хватает сил пережить эти, какие-то тридцать часов. Шурику казалось, что если он сумеет выдержать это время, то он потом будет жить вечно, и ничто никогда уже не сможет угрожать его жизни. А когда он вернётся домой, ведь

он станет героем: он сам, один приведёт звездолёт, задание они выполнили, всё, что требовалось, сделали, даже ценою своих жизней. Командиру и Вире на Земле будет вечная память, а ему, Александру Лоре - слава. Единственное, что они не совершили - срочно не передали собранную информацию об эпидемии. Но это не в их силах. Их никто не обвинит в этом, когда узнают всю правду.

"Но тот больной умрёт! От нас зависит, жить ему или нет... А чем я могу помочь теперь, в моём положении?" - у Александра временами просыпалось чувство вины, но он тут же со спокойной совестью гнал его, успокаивая себя безвыходностью ситуации.

Прослеживая сантиметр за сантиметром путь "Клёна" по карте, навигатор в который раз пытался отыскать хоть какой-нибудь обитаемый островок в окружающей вселенной, чтобы совершить там посадку или хотя бы запастись воздухом. Рядом с кратчайшей к Солнцу трассой, как назло, было всё пусто.

"Вот тут справа есть одна маленькая станция с работающими там нашими монтажниками. У них, наверняка, хорошее снабжение кислородом, могли бы немного уделить и мне. Что если я ошибся в расчётах или ещё что-нибудь, и воздуха долететь у меня не хватит? Но эта станция, кажется, не может принимать большие звездолёты, у них нет для этого посадочной площадки. Ну да, конечно, туда добираются только на авиетках с кораблей, останавливающихся на космической орбите. А авиетку принять или отправить я не смогу, "Клён" законсервирован. Кислород из скафандров давно выпущен в помещение. Так что воздуха мне от них не получить. Нужна только посадка или стыковка с другим звездолётом, когда бы другие люди сами смогли пробраться ко мне. Если бы эта станция смогла услышать хоть мой сигнал! И то не в состоянии. Радиус ближней связи не достаёт до неё, слишком далеко. Чтобы связаться с ней, надо сократить расстояние между нами, свернуть с прямого пути, сделать зигзаг. Сколько ещё уйдёт на это времени и драгоценного воздуха! Даже если я и свяжусь с ними, что с того? Сообщат они Земле, а спасатели всё равно быстро не доберутся до меня, я раньше их буду на месте. Не стоит стараться, - Шурик оторвался от карты. - К чему рисковать, пусть уж лучше так, как есть. Воздуха мне, если не менять маршрут, всё же должно хватить... А материалы об эпидемии! - вдруг вспомнил он. - Их-то я могу передать по связи на эту станцию. Тогда они сегодня же попадут в Эпидемцентр. Может ещё не поздно и моё сообщение успеет вовремя... Но тогда всё же придётся менять курс, тратить время, которое мне так необходимо... И без всякого расчёта на помощь "Клёну"... Зачем мне это надо! Если я полечу к станции, значит, уже точно задохнусь. Да и спасу ли я того человека на Земле? А вдруг он давно уже умер, давно не нужны никому мои сведения. Самому погибнуть неизвестно за что! Если б наверняка знать, что эти оставшиеся часы решат многое, тогда я ни минуты не задумывался бы, - оправдывался перед собой Шурик, сам не зная почему, все больше и больше как будто на кого-то злясь. - Почему я должен так глупо умереть из-за кого-то? Меня никто не осудит, что я не попытался сблизиться со станцией, ведь это грозило мне гибелью. Да никто и не узнает, что у меня была такая возможность. Станция ведь далеко от моего маршрута, я мог её просто не заметить. Я мог не догадаться свернуть с курса. Кроме этого я сделал всё, что в моих силах. Если меня никто не найдёт на моём прямом пути, моей вины в том не будет", - Шурик успокоился,

убедив себя в своей правоте.

Был вечер, кончился ещё один день, отделяющий "Клён" от дома. Завтра к вечеру он должен быть на Земле. А сейчас шло время Звёздного Часа. Как давно уже звездолёт не включал в эти минуты экрана связи.

Александр невольно вспомнил, как ещё на пути к Фелле он и Вира беседовали с его отцом, как он знакомил их, как все вместе, с командиром, обещали приехать в Индию после полёта и провести там время отдыха.

"Ничего этого уже не будет. Придётся мне ехать одному. Нет командира, нет Виры. Как страшно, должно быть, умирала Вира! Уж лучше бы это произошло со мной, а не с ней... А того больного ведь ждёт такой же конец! Почему и он должен умереть? Умереть из-за меня! Почему, собственно, он, а не я! Как я могу так спокойно, так равнодушно думать о таких вещах! Нет, какое я имею право на это? Как я буду смотреть в глаза отцу, если слишком поздно привезу материалы? Ведь человек тот тоже чей-то сын, чей-то отец! Как я буду им смотреть в глаза?... А в глаза Виры... в глаза командира..."

Шурик вдруг понял всю гнусность своего поведения. Он уже не мог оправдаться перед собой, в общем-то, если разобраться, в и не существующей по закону своей вине. Но закон человечности, самый безжалостный и суровый из всех законов, накладывал кандалы преступления на его сердце.

"Получалось, что и Вира, и Далинский пожертвовали собой ради спасения больного, но теперь их жертвы будут напрасны. Я своей трусостью перечеркнул всё, что они сумели. Да ведь это не я, а они с таким трудом добыли информацию. Что я делаю? Да я же подлец после этого! - от этой, так внезапно поразившей его мысли, у Шурика спина покрылась потом. - Нет, я никогда не буду подлецом! Разве я об этом мечтал?"

Поспешно, до ужаса испугавшись, что он уже опоздал, пропустил момент поворота, Александр, не думая больше о себе, лихорадочно дёрнул рычаги управления. "Клён", резко сбросив скорость, стал разворачиваться в сторону станции. Ещё несколько секунд, и звездолет, сменив курс почти на девяносто градусов, помчался в неизвестную даль навстречу гибели и навстречу бессмертию.

* * *

Через два часа полёта по вычисленному новому направлению, в течение которых Шурик ни на секунду не отрывался от пульта связи, он, наконец, услышал после многих дней тишины такую долгожданную, такую родную человеческую речь.

- Ваш сигнал бедствия принят на околзвёздной станции Е-16 созвездия Лебеда. Кто вы? Что с вами случилось?

От внезапности, с которой на молчавшем экране появился облик человека, от удивительно близко прозвучавшего громкого голоса, навигатор в первое мгновение растерялся. Ну вот, всё в порядке, значит долетел.

- Немедленно свяжитесь с Землёй! - заорал Александр, требуя сиюминутного же вызова Центра управления.

Потеряв ещё два часа, он не находил места, убеждая себя, что именно эти часы и окажутся причиной опоздания.

- Спокойно. Отвечайте, кто вы? Какая вам требуется помощь?

От этого уверенного внятного голоса Шурик опомнился и начал докладывать.

- Я - "Клён", транспортник класса "Зодиак". Возвращаюсь на Землю после полёта к Алансолярию. У меня повреждения в корпусе, утечка воздуха, имею только минимальный запас до Земли. Но есть угроза того, что его может не хватить. Я лишён также связи с Землёй. Действует одна ближняя система, по ней и говорю с вами. Из экипажа в живых остался только я - астронавигатор Александр Лоре.

- Вас понял. Высылаем дополнительный запас воздуха. Встречайте...

- Подождите! Принять не могу. Не имею возможности выйти из командного отсека.

- Хорошо. Тогда сообщим на Землю и к вам вылетит звездолёт.

- Не успеет.

- Чем тогда мы вам в состоянии помочь?

- На помощь не рассчитываю, прошу только выполнить то, что я вам сейчас скажу. У меня очень мало времени. Уже давно Земля ждёт моего сигнала. Я везу с планеты эпсилон Теллур информации об уникальной эпидемии и не имею возможности передать чрезвычайно срочные сведения. Прошу вас сделать это за меня. Я сейчас всё перешлю вам. Это необходимо отправить как можно быстрее. От этого зависит жизнь человека, понимаете, жизнь человека!

- Вас понял. Говорите. Все будет передано незамедлительно.

Шурик аккуратно и подробно сообщил всё, что у него имелось, передал записи приборов, снимки и шифрограммы, которые быстро были скопированы на станции.

- Отошлите это в Центр сейчас же!

- Сделаем. А вы ожидайте помощи, что-нибудь придумаем.

- Прощайте, направляюсь к Земле... - успел только произнести Александр, как связь оборвалась. "Клён" улетал уже обратно, в сторону Солнца, и единственный островок в окружающем космосе, населённый людьми, вышел за границы действия его маяков.

* * *

Шурик почувствовал невероятное облегчение, когда, оставшись опять в одиночестве посреди мёртвой тишины, подумал о том, что данные о болезни уже на Земле, что их, должно быть, сейчас возьмись всесторонне изучать, анализировать, что это спасение для человека, ради которого "Клёну" пришлось испытать столько бед. И значит, тот обязательно должен поправиться, он просто не имеет права теперь умереть.

Шурик был почти счастлив от этого и от того, что это он спас больного, преодолев всё же столько душевных сомнений и мук. Одно только отравляло его счастье. Воздуха теперь не хватит, совсем не хватит. Он снова высчитал. Ему несколько часов будет совершенно нечем дышать. И ничего уже тут не придумаешь. Углекислота переполнит помещение отсека. Вместо живительного кислорода будет один сплошной непригодный для дыхания человека газ. Ну почему он не Лёлик! Вдруг возникла в мозгу юноши странная мысль. В эти тяжёлые для него часы он опять вспомнил о друге с далёкой Феллы, которому всё нипочём.

Александр всё еще не верилось, что выхода нет. Только сейчас, когда тревожащее его дело было сделано и можно смело взглянуть в глаза людям, он ощутил всю серьёзность этого. Погибать не хотелось, ой как не хотелось. Шурик

готов был заплакать от обиды, пожаловаться кому угодно, но жестокая действительность не собиралась давать поблажки.

И все-таки одна маленькая надежда закралась в глубину его сознания. На Земле теперь знают о том, что случилось с "Клёном". Они непременно будут стараться выручить его, должны выручить. Ведь сказал тот, со станции: ждите, придумаем что-нибудь. Найдут, обязательно найдут выход. Ещё никого никогда Земля не бросала без помощи. Хотя Александр не мог приложить ума, что тут можно сделать. Ну, это теперь не его забота.

Надеялся он всё еще и на встречу с каким-нибудь звездолётом. Это было бы лучше всего.

* * *

Прошла ночь и следующие полдня, не принёсшие никаких перемен. Навигатор ходил по отсеку между пультами, буквально каждую минуту проверяя маяки, посылающие сигналы в пространство. Шурик был не в состоянии хладнокровно сидеть и ждать. Мальчишка, он метался с мгновенной готовностью сделать то одно, то другое. Стремительная, беспокойная натура кидалась от одного предположения к другому. Если бы кто-нибудь ещё был рядом, кто бы мог помочь, подсказать. Александру снова очень не хватало командира. Слишком много трудных задач пришлось ему самому решать за это время. Он уже выдыхался, сил у него становилось всё меньше.

Шурик начал ощущать, что в помещении становится чрезвычайно жарко. Комбинезон его стал влажным от пота и он то и дело вытирал рукавом мокрое лицо. Вскоре Александр догадался, что это от нехватки кислорода. Только тогда он понял, что слишком много двигается. Шурик обозлился на себя за то, что допустил такую непростительную ошибку. Сколько воздуха потратилось зря! Ведь он прекрасно знал о том, что нужно замереть, дышать как можно реже и вдохи делать не глубокие.

Навигатор уселся в кресло и замер, начав следить за своим дыханием. Но от того, что он дышал через чур поверхностно, вскоре почувствовал сильную нехватку воздуха в организме и не удержался, чтобы не вздохнуть полной грудью.

"Если так будет продолжаться, я не долечу и до Солнечной системы."

Шурика начал охватывать животный ужас. Ему показалось, что он уже задыхается. Он с трудом сдержался, подавляя вот-вот готовую вспыхнуть панику.

"Я что, трусик? Дурак несчастный! Трус! Честное слово, трус! - взбешённый этим, он ругал себя. - Я же всю жизнь мечтал о подвигах, в мыслях своих столько раз представлял, как преодолеваю сложнейшие ситуации, возникающие на моём пути. А когда дело дошло до настоящего, скис, испугался! "Герой"!"

Вместе с наплывом злости страх исчез, Александр понемногу успокоился. Ему уже не чувствовалось, что воздуха безвыходно мало.

К вечеру дышать стало ещё труднее. Шурику чудилось, будто он на раскалённом пляже индийского побережья в яркий солнечный полдень, и дует сильный иссушающий ветер, забивая ему легкие, от которого он задыхается. Вскоре от усталости его стало затягивать в беспокойный сон. Сквозь дремоту Александр ощущал навязчивое желание на всю ширину распахнуть несуществующие окна и двери, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха. Шурик проснулся весь мокрый

о пота, будто только что выкупался в горячей воде. Не вставая с кресла, он потянулся за маршрутной картой. Все движения ему давались с трудом. Он чувствовал невероятную усталость и слабость.

Изучив траекторию движения "Клёна", Александр определил, что теперь уже находится совсем недалеко от Солнечной системы. Пора было начинать плавное торможение. Как не хотелось Шурику давать приказ кораблю на уменьшение скорости. Сейчас двигатели работали на максимальную нагрузку. Ему казалось, если быстрее лететь, то он может и успеет достичь дома, пока ещё есть воздух. Понимая весь абсурд своих мыслей, Александр составил полную программу торможения реакторов и сообщил управляющим ими системам.

Ну вот, теперь навигатору больше делать было нечего. "Клён" сам сбросит скорость, подлетит к Земле, войдёт в посадочную орбиту, развернётся и мягко коснётся в точно заданном районе знакомой, родной, такой долгожданной почвы. До посадки осталось всего ничего. Если бы лечь в анабиоз. Но не было никого, кто бы мог помочь ему с этим. А воздух уже на исходе. Шурик сел поудобнее в кресле, чтобы ничего не сдавливало грудь, и стал снова задрёмывать. Вернее, ему казалось, что он дремлет, а на самом деле у него просто начало отключаться сознание. Мозг, лишённый необходимой подачи кислорода, стал работать с перебоями.

Через некоторое время Александр уже не мог дышать носом. Он раскрыл рот и, как рыба, выброшенная из воды, шумно втягивал в себя вдох за вдохом. У него начала кружиться голова и в ушах сильно шумело. Он понюхал нашатырный спирт. Немного полегчало, но головокружение быстро возобновилось и в глазах стало темнеть. Сколько Шурик не нюхал спирт, облегчения больше не было. Он пробовал пить воду, но и это не спасало.

Как ужасно долго тянулось время. Цифры на часовом табло, будто из вредности, раза в три медленнее сменяли друг друга. Александр в промежутках сознания то, не отрываясь, следил за ними, мысленно подгоняя их изо всех сил; то, наоборот, отворачивался, стараясь совсем не смотреть. Так вроде быстрее шли секунды. Оглянешься через некоторый промежуток, смотришь, несколько минут позади. В отказывающем мозгу Шурика засела мысль, что всё его спасение сейчас в этих мелькающих цифрах табло. Навигатор не мог ни на чём больше сосредоточиться. Мысли разбегались, сердце бешено колотилось. И в следующий момент Шурик вдруг отчётливейше понял, что сейчас он начнёт задыхаться. Перед глазамиплыли разноцветные круги. Он бросил отрешённый взгляд на навигационный указатель расстояния, взглянул машинально. Его мозг не отметил ничего: ни числа, показывающего удалённость корабля от Солнца, ни того, где он находился сейчас.

Александр вдруг почувствовал, что не может спокойно сидеть на месте, невыносимым огнём жгло в груди, раздирая лёгкие. Он вскочил на ноги, сжав горло руками, судорожно пытаясь глотнуть хоть каплю воздуха. В последнем отчаянном усилии захрипел:

- Помогите! А-а-а!!!

Забился, упав на пол, и секунду спустя замолчал, не двигаясь, остался лежать посреди командного отсека звездолёта, на котором жизнь больше была невозможна.

Последнему астронавту, оставшемуся на нём, не довелось уже узнать того, что он пересекал теперь границу Солнечной системы, ни услышать, как с ожившего экрана связи раздался близкий голос родной Земли.

* * *

А на Земле давно ждали возвращения Клёна". То, что внезапно пропал звездолёт, бывший всё время в центре общего внимания, серьёзно встревожило всех. Земля непрерывно следила за его полётом к незнакомой цивилизации, была ежедневно в курсе дел. Всё шло нормально, и вдруг корабль бесследно исчез, не сообщив даже намёка на случившееся. Лишь в Центре управления понимали печальную истину, что-то произошло после встречи "Клёна" с заражённой планетой. Только никому не хотелось думать о плохом, ведь там летел Далинский. Что же с Далинским может случиться! Не было такого, чтобы он не вернулся с выполнения задания. Какая-нибудь пустяковая авария, и "Клён" скоро объявится. Но "Клён" не объявлялся. А от него ещё ждали срочных сведений об эпидемии. Эти сведения были так нужны. Ждал врачебный Центр, ждали учёные, ждал умирающий больной. Давно уже велись поиски корабля, велось постоянное наблюдение за малейшим сигналом из космоса.

И вот получили тревожное сообщение с монтажной станции в созвездии Лебеда о том, что космический корабль под названием "Клён" с опасными повреждениями, почти полностью лишённый связи, идёт к Солнечной системе. Ему требуется очень срочная помощь. А затем было сказано всё то, что жаждали услышать на Земле, что смог добыть экипаж звездолёта и что отчаянно просил передать последний живой его член.

Информация подоспела вовремя. Ещё было не поздно, ещё можно было успеть что-то сделать во спасение больного. Он еще жил. За работу принялись, не теряя времени, с благодарностью думая о трёх отважных людях, сумевших выполнить сложную и опасную задачу.

По крайней мере, сейчас стало ясно, почему корабль молчал. Немедленно началась формироваться поисковая спасательная группа. Что с экипажем, какое у них положение, по-прежнему, никто не знал. Казалось невероятным, что этот звездолёт, который отправляли с такой радостью, с такой надеждой на близкие хорошие перемены в существовании земной цивилизации, возвращался, находясь на краю гибели из-за нелепой случайности в пути. Но когда спасательная группа собиралась уже стартовать навстречу "Клёну", в Центре связи внезапно раздался его позывные и умоляющий сигнал бедствия. Вот он, наконец-то! Все кругом мгновенно обратились к зазвучавшему голосу корабля.

- Мы вас слышим, "Клён", "Клён"! Отвечайте! - радостная и встревоженная речь планеты, дождавшейся своих посланцев, ворвалась в помещение звездолёта. Но ей никто не ответил. Кроме непрерывных зовущих звуков оттуда не доносилось ничего. Корабль молчал.

Всё было готово к встрече едва живого корабля. Теперь все понимали, что там уже никого нет в живых. Опустевшим возвращался "Клён" по заданной программе, которую всё же успели сообщить ему погибающие астронавты. Земля была благодарна им и за это, за то, что гибнувший корабль всё же дошёл до дому, не исчез в бесконечных пустынях космоса. Тайна его гибели не останется теперь

тайной навечно. Немой звездолёт красноречивее расскажет об этом за людей, живших и работавших на нём, которые сумели всё, кроме одного - сохранить свои жизни. Последнее, что они сделали - предотвратили неизбежность постигшей их участи для многих других земных кораблей, пойдущих вслед за ними по их пути.

Ясная золотисто-розовая вечерняя заря вставала над Землёй, когда наземные локаторы засекли приближающийся корабль. Через несколько минут огромный красавец звездолёт можно было увидеть среди чистого голубого неба. Он медленно снижался, казавшись невесомым, словно застывшим в воздухе. Ещё через несколько минут звездолёт плавно опустился на ровную поверхность космодрома. Вот и всё, Земля ласково приняла "Клён", пришедший из обычного рабочего рейса.

С трудом проникнув внутрь загерметизированного корабля, в командном отсеке нашли юношу, лежавшего на полу без признаков жизни, единственного из всего экипажа. Его вынесли на посадочную площадку, положили на траву. Лучи заходящего солнца ласково осветили мертвенно-синеватое лицо. Лёгкий прохладный ветерок шевельнул русые волосы, пробежался по щекам, по светлым ресницам, которые вдруг слегка дрогнули, и юноша медленно открыл глаза.

Приключения маленького самолетика

рассказы

Большой город

Сегодня Маленький Самолетик летел в Большой Город.

Его переполняло радостное ожидание и нетерпение. И он очень волновался. Ведь ему предстояло приземлиться на большой настоящий городской Аэродром, в огромном и шумном Аэропорту, где совершают посадки и откуда взлетают сильные, могучие и красивые самолеты.

Он уже много слышал о Большом Городе и поэтому знал и хорошо помнил, что садиться там надо только по четким и строгим командам Диспетчеров с земли, находящихся над самым Аэродромом и видящим и замечающим все, что там происходит. Иначе можно помешать всеобщему движению в воздухе и на земле и нарушить установленный ритм и график полетов.

Погода звенела. Большой Город встречал Маленького Самолетика сиянием разноцветных огней, как ковер из цветов на весеннем лугу. А мимо него то и дело проносились огромные большекрылые железные птицы. Их было много и все они были такие разные: длинные и

короткие; тонкие, как тростинки, и толстые, как баклажаны; с высоко расположенными прямыми полукрыльями и с низкими, отведенными назад; с двумя, тремя и даже четырьмя двигателями на крыльях или на фюзеляжах. С таким невероятным количеством колес! Самолетик взялся было считать все колеса у выпущенных шасси одного пузатого толстяка, но, досчитав до пятнадцати, сбился и скромно посмотрел на свои три маленьких колесика.

А каких невиданных красивых, даже странных расцветок были летящие Самолеты: белые, серебристые, зеленые, желтые, серо-буро-малиновые, со светлой спинкой и темным брюшком и наоборот. А сколько разнообразных полосок всех цветов радуги было нарисовано на их боках и хвостах и разноцветных надписей на различных языках! Маленький Самолетик даже не знал, на каких именно.

Одни Самолеты, вспорхнув с земли, мгновенно уносились ввысь и скрывались вдали. Самолетик едва успевал проводить их взглядом. Другие, промелькнув высоко над ним, устремлялись вниз, к городу. Но все они летели, снижались и опускались к земле по одной и той же, словно протоптанной в небе и лишь одним им видимой, тропинке, бегущей по кругу над Аэродромом. А потом плавно и легко садились на Взлетно-Посадочную Полосу, покрытую бетонными плитами. Самолетик слышал, как Борты переговаривались с Диспетчерами, коротко и четко докладывая о выполнении приказов.

Маленький Самолетик еще издали заметил эту серенькую Полоску, обозначенную стройными рядами фонарей и размеченную белой краской. Ему захотелось так же, как эти блестящие, сверкающие огнями, воющие и свистящие железные птицы, забраться на самый верх, на тот Круг. А потом, пристроившись вон хотя бы за тем белоснежным Лайнером, гордо поднявшим над килем свой стабилизатор с рулями высоты и распушившим во все стороны свои перышки на

крыльях, так же, как он, плавно скатиться с воздушной горки - Глиссады на бетон Полосы.

Уверенно взглянув на свой легко и быстро крутящийся надежный пропеллер, Самолетик стал напрягать все силы, стараясь разогнаться как можно сильнее. Он подставлял под дующий ветер свои маленькие плоскости, чтобы тот помог ему подняться на нужную высоту.

Самолетик очень запыхался и устал, но догнать красивый белый Лайнер с тремя мощными турбинами так и не смог. А тот даже не оглянулся на него и не догадался, как старался Маленький Самолетик. Изящно развернувшись, Лайнер еще больше ошетинился крыльями и, нырнув вниз, стал быстро снижаться.

Самолетик, тяжело дыша, проводил его взглядом и вдруг услышал, как строгий голос Диспетчера велел ему быстро садиться и не мешать движению на посадочной трассе. Самолетик вздохнул, развернулся и полетел прямо на Ближний Привод глиссады, который манил его и подсказывал своим сигналом, куда нужно лететь.

- Привет, - ответил ему Маленький Самолетик и улыбнулся. Он не умел долго огорчаться. Впереди было столько важного и интересного.

Вот уже и Полоса стала приближаться, и Самолетик принаравливался, как лучше приземлиться, чтобы получилось безопасно, правильно и красиво. Ведь на него будут смотреть все эти гордые, самолюбивые Лайнеры. Он очень старался примоститься в центр этой маленькой, узенькой Полоски, на самую ее осевую линию. Но чем ближе подлетал Самолетик, тем все больше и больше росла Полоса. Она вдруг стала такой огромной, широкой и длинной, что и конца ее Самолетик уже не мог разглядеть. Он немного даже опешил. Полоса оказалась размером чуть не с весь аэродром, на котором жил Маленький Самолетик. Но ведь так и должно было быть, иначе бы большие Самолеты на нее просто не поместились.

Но Самолетик все равно пытался прицелиться на широкий пункт осевой линии. Вот она уже совсем близко. Вот под ним проплыла белая "зебра" на торце и большущие цифры номера, соответствующего курсу Полосы. Можно садиться. Вот и черные следы от множества колес, прикасающихся в этом месте к земле. Самолетик совсем снизил скорость, выровнялся, почти совсем прижался к бетону, но почему-то никак не решался опуститься на него. Сердечко его от волнения готово было выскочить из груди. Еще этот противный ветер,

который на высоте помогал ему и придавал силы, теперь все норовил столкнуть его с Полосы в сторону. Маленький Самолетик подставлял ветру спину и увертывался. Наконец он решился и прыгнул на плиты, как прыгает ворона, как раз на подбежавший под него штрих оси. И покатился по ней все дальше и дальше. Самолетику хотелось добежать до самого противоположного конца длинной-предлинной Полосы. Чтобы все видели, какой он смелый и умелый, нисколько не хуже всех этих аристократов - тяжелых Лайнеров. Но тут же услышал голос Диспетчера, который велел ему не мешать, съехать в сторону и освободить дорогу для другого садящегося Борта.

Маленький Самолетик вздохнул и повернул по первой же Рулежной Дорожке в сторону Перрона. Больше на него никто не обращал внимания.

На Перроне было шумно и тесно. Разноцветные Лайнеры стояли на своих

стоянках под определенными номерами. Около них суетились люди, встречая и провожая пассажиров, проверяя и готовя Самолеты к вылету. Туда-сюда сновали автобусы, трапы и разномастные машины. Названия и предназначения многих из них Самолетик даже не знал.

Он засмотрелся на удивительную большую Машину с длинной, как шея у жирафа, "рукой". Хотел было посмотреть, что она будет делать, но тут начал запускать свои двигатели, стоящий рядом Лайнер, и Маленький Самолетик едва успел отскочить в сторону, а то бы

его опрокинуло сильной струей выходных газов.

Самолетику хотелось встать на какую-нибудь стоянку в один ряд с большими Бортами. В самом деле, чем он хуже их? Совсем такой же. Ну и что же, что он маленький и не такой уж красивый. В его груди тоже бьется отважное и надежное сердце. Но Самолетик опять услышал голос Диспетчера, приказавший ему направляться в самый конец летного поля, к вертолетной площадке.

Маленький Самолетик снова вздохнул и поехал по краешку Перрона по одной из многочисленных желтых линий, которыми, как узорами, был расчерчен весь Перрон. Все Самолеты должны были перемещаться только по этим линиям, чтобы не создавать заторов и столкновений и чтобы было легче заруливать на стоянки. Никто даже из самых важных Лайнеров не пренебрегал этим правилом. И Самолетик тоже его соблюдал.

Он тихонечко пристроился на отведенную ему площадочку и опять вздохнул. Но ему было совсем не грустно и ничуть не обидно. Его переполняло чувство радости, интереса от увиденного нового и еще не знакомого ему, чувство восторга от причастности ко всему этому

серьезному летающему миру. Он - частичка прекрасного воздушного братства и он тоже вместе со всеми ощущает счастье полета над такой красивой сверху землей, радостно ловит шаловливый ветер среди облаков и купается в упругих волнах воздуха.

Ведь это такое счастье! Ради этого, право, стоит жить!

Великий пожар

Маленький Самолетик стоял на аэродроме на своей стоянке и изнывал от жары. Все нынешнее лето была невыносимо жаркая погода. Солнце пекло уже второй месяц, словно приклеенное к зениту. И ни одного облачка не проплывало мимо, чтобы хоть на несколько минут закрыть бедный Самолетик от обжигающих солнечных лучей. Он никуда не летал, делать было совсем нечего, о нем, казалось, забыли.

Только изредка механики подходили и проверяли его самочувствие. Ему так и хотелось крикнуть им: "У меня крылышки до того раскались, что краска вот-вот потрескается, и скоро лопнет фонарь!" Самолетик пробовал забраться в ангар, но там было еще хуже.

Так душно, что просто нечем дышать. А по аэродрому хоть иногда проносился ветерок и приносил глоток воздуха.

Правда, ветер приносил не только свежий воздух, но и противный, едкий, удушающий дым. Этот дым все чаще и чаще заносило на территорию аэродрома, где жил Маленький Самолетик. Где-то совсем близко горели леса. Горели непрерывно, и этот пожар не собирался

гаснуть, сколько б его ни пытались тушить. Самолетик слышал тревожные разговоры, что пожар все ближе и ближе подступает к их поселку. А ведь тут живут люди. Их поселок довольно большой и дома все деревянные, высохшие за это жаркое лето так, что достаточно

маленькой искорки и вспыхнут, как факелы.

Еще Самолетик слышал, что из Большого Города на тушение пожаров в леса каждый день летают вертолеты и огромные самолеты с четырьмя двигателями под плоскостями крыльев. У них в чреве имеются большие резервуары, куда на земле закачивают воду из реки, а

потом эти гиганты сбрасывают ее прямо в огонь, пролетая над очагом пожара. Маленький Самолетик никогда не видел этих смелых и отчаянных лайнеров ИЛ-76, но в душе восхищался ими и завидовал их отваге. Еще он знал, они, что бы ни случилось, как бы трудно и тяжело им ни приходилось, все время улыбаются, будто презирая трудности и убеждая всех, что все будет хорошо. И люди верили им, надеялись на их могучие крылья и умение проходить над самым очагом пожара так низко, что, казалось, языки пламени вот-вот лизнут их самих.

Думая об этих отважных героях, спасателях и помощников людей, Маленький Самолетик сам очень хотел быть там и участвовать в тушении огня. Стоять тут, в этом солнечном пекле, без дела было невыносимо. Но что он мог? Маленький и легкий, такой слабосильный -

ему не поднять даже тяжелого ведра с водой, которые таскали на пожар вертолеты.

Сегодня ветерок особенно сильно приносил с собой запах дыма и вокруг стояла серая дымка, пахнувшая гарью.

Пришел старый друг Самолетика Механик. Он как обычно обошел и осмотрел Самолетик. Маленький подопечный Механика грустно вздохнул, а

Механик сокрушенно покачал головой и посетовал, что пожар приближается очень быстро. Возникают все новые и новые очаги.

Люди, отправленные на разведку, не успевают осматривать места очагов и определять их координаты.

И тут вдруг у Маленького Самолетика зародилась отчаянная мысли: а что, если бы ему слетать и осмотреть всю местность вокруг. Он сразу найдет места новых вспышек огня и с воздуха доложит координаты. Ему с высоты будет видна вся картина бушующей стихии, как на ладони.

Самолетик сразу заговорил с Механиком. Но тот отрицательно замотал головой. Некоторые языки огня лижут самые вершины высоченных сосен и елей и взмывают высоко в небо от малейшего дуновения ветра и огненной тяги, словно вырываясь из пасти огнедышащего

Дракона. Очень легко попасть под его обжигающее дыхание. Не успеешь даже увернуться.

Но тут из окна АДП выглянул Диспетчер и крикнул проходившему мимо Начальнику аэродрома, что спасатели с ИЛ-76 очень просят уточнить место, куда им направляться с тушением. Они совсем заматались, делая рейс за рейсом, набирая и сбрасывая воду на леса.

Координаты пожаров меняются каждый час. И это очень задерживает дело.

И тут Маленький Самолетик умоляюще посмотрел на Механика, а тот, задумавшись на минуту, побежал в АДП. Вернулся он быстро и, строго покачав головой, начал готовить Самолетика на вылет, который сразу понял, что ему предстоит.

- Лететь будешь, забирайся повыше. Не лихачь. И с высоты прекрасно все увидишь. Погода "миллион на миллион". Дымы хорошо видны.

Самолетик пообещал и, хорошо подкрепившись самым свежим и вкусным керосином, поднялся в небо. Лететь было тяжело. Пекло солнце и воздух был таким жидким и ненадежным, что Маленький Самолетик с трудом находил опору для своих крылышек, а его пропеллер, казалось, работал вхолостую. Но он продолжал упорно набирать высоту и двигаться вперед.

Забравшись, наконец, довольно высоко, он увидел внизу раскинувшийся во все стороны до самого горизонта лесной массив и то тут, то там среди деревьев поднимавшиеся вверх дымы. Там, где дыма было особенно много, сквозь него ясно виднелся огонь.

Самолетик стал фиксировать координаты большого скопления дыма. Но дувший ветер относил дым в сторону, далеко от бушующего огня, и Самолетик никак не мог понять, где проходит граница пожара, какова его протяженность. Это можно было определить, только находясь над самым очагом.

Маленький Самолетик помнил, что он обещал Механику, и не знал как поступить. Ведь он полетел сюда для того, чтобы помочь людям. Он сам этого очень хотел. И значит, должен сделать все, что для этого необходимо. Его сведений так ждут. И он решил снизиться

немного, чтобы было виднее.

Но видней не становилось и Маленький Самолетик снижался все ниже и ниже. В конце концов он оказался над самой кромкой дыма и между его разрывами

увидел, как разъяренный огонь лижет верхушки деревьев. Он бесновался вовсю. Деревья, которых он касался, чернели, съеживались и падали, как спички. Внизу на земле тоже расстился сплошной ковер из огня.

Самолетик в первый момент даже испугался такого разгула стихии. Но долго отдаваться эмоциям было некогда. От дыма стало тяжело дышать, а жар огня еще больше накалял и так нагретую солнцем обшивку.

Самолетик стал быстро облетать пожар по краю и отмечать на сколько километров и в какую сторону он распространился. Бедняга задыхался, огонь так жег, что крылья и фюзеляж раскалились и, казалось, сейчас начнут плавиться, стекла фонаря потрескивали. Самолетик немного отлетел в сторону, чтобы отдышаться, и стал скорее передавать координаты пожара Диспетчеру, жадно записывающему все, что он говорил. Потом Самолетик снова полетел к ближайшему очагу и снова пошел вдоль него, передавая и передавая данные.

Вдруг он почувствовал себя плохо. Стала сильно возрастать температура масла в двигателе. Было такое ощущение, что он сейчас взорвется. У Самолетика закружилась голова. Он закашлялся. Пропеллер стал работать с перебоями. Самолетик испугался, что он вот-вот остановится, и жадно ловил ртом воздух. С трудом ковыляя, полетел над лесом, сам не зная куда, ничего не видя кругом и теряя высоту.

В глазах прояснилось, когда Маленький Самолетик был уже далеко от пожара. Горло его от горячего масла пылало. Оно так пересохло, что он не мог сглотнуть. Надо было срочно куда-то сесть, отдохнуть и привести себя в порядок. Но под ним по-прежнему простирался огромный лесной массив. Ни одной полянки, ни одной опушки, где бы можно было приземлиться. Самолетик безнадежно оглянулся, не в силах дальше бороться со своим положением.

Вдруг он заметил справа мелькнувшую невдалеке просеку. Самолетик сразу понял, что это его спасение, что лучше и не придумать. Ему не раз приходилось садиться на просеки в лесу. Это было совсем не трудно. Та же посадочная полоса, только по бокам вместо огней стены леса, что тоже очень помогало с ориентировкой даже в непогоду. Сейчас же просека сияла отчетливо. Маленький Самолетик определил, с какой стороны дует ветер и, выбрав направление, чтобы тот обдувал ему нос, полетел к спасительной полоске.

Но тут неожиданно на просеке что-то сверкнуло на солнце длинной блестящей ниточкой, тянувшейся вдоль нее от начала и до конца. Самолетик понял, что это вода.

"Ну и пусть, - обреченно подумал он. - Уж лучше я утону, чем столкнуться с деревьями, перевернуться и кубарем упасть на землю, ломая крылья."

И Маленький Самолетик уверенно пошел на посадку. Чем больше он снижался, тем яснее видел, что по просеке протекает ручей чистый и прозрачный. На дне его даже видны были мелкие камешки - галька. По ним бежали быстрые струи воды. Ручей оказался совсем

неглубоким. А на мелкие камешки вполне можно было приземлиться.

Самолетик с облегчением вздохнул и с удовольствием плюхнулся в прохладную воду, побежал по дну, охлаждая разгоряченные покрышки колес и поднимая фонтаны брызг.

Но остановиться он не успел. Одно колесо вдруг наскочило на откуда-то взявшийся, как на зло, большой камень и Самолетик, споткнувшись, с размаху ткнулся носом в ручей. К счастью, скорость была уже совсем маленькая и Самолетику удалось удержаться, не

упасть, не скапотировать, опрокинувшись на спину. От удара он на минуту потерял сознание. Очнулся от боли. Из разбитого носа капало масло. Одна лопасть винта погнулась. Левая нога шасси, которой он налетел на камень, сильно болела, кажется, она была сломана.

Маленький Самолетик понял, что отсюда ему уже не выбраться. И он теперь навсегда останется здесь, в темном лесу, в этом противном холодном ручье. Будет потихоньку гнить и ржаветь, пока не развалится на части. И это, если прежде его не сожжет огонь, добравшийся и сюда.

От такой перспективы окончить свои дни счастливой, радостной жизни, когда его все любили, ухаживали за ним, и он всех любил и старался всем делать добро, Маленький Самолетик чуть не заплакал. Но потом его мысли вернулись к тому, что он только что совершил, как, рискуя своей жизнью, помог определить координаты распространения огня и, главное, успел передать их на диспетчерский пункт. И теперь большие могучие ИЛы полетят на то место и, конечно, потушат огонь. Его, Маленького Самолетика, дом, его родной аэродром будет спасен как и поселок, где живут люди. И от этих мыслей Самолетику стало так радостно, его сердце наполнилось такой гордостью, что он передумал плакать.

Самолетик вздохнул. Он очень устал и не мог долго ни о чем думать. От усталости он стал тихонько задремывать. Проснулся Самолетик от дрожи, охватившей его до каждого лонжерончика, до каждой нервюры. Он замерз, стоя в воде. И раны его продолжали

болеть.

Маленький Самолетик не знал, сколько прошло времени, но внезапно над лесом он услышал громкий грохот и сразу увидел больших железных птиц с широко распростертыми горбатыми крыльями, под которыми рокотали по четыре огромных двигателя. Они летели так низко над деревьями, что закрыли все небо. Это ИЛы шли бороться с огнем. Шли туда, где только что был Маленький Самолетик. Они пронесли над самым Самолетиком. Он проводил их взглядом и, чихнув, съежился от холода. Вспомнил, как ему было там невыносимо горячо и совсем нечем дышать.

Прошло еще немного времени, день стал клониться к вечеру. И тут Самолетик снова услышал над собой рокот. Но это рокотали уже не могучие турбины, а большой винт. Маленький Самолетик догадался, что летит вертолет.

"Тоже на пожар", - подумал он.

Но нет, вертолет появился с другой стороны и, подлетев к просеке, где стоял Самолетик, завис над ней. Чуть повисев, он подмигнул Самолетику, как бы подбадривая, и полетел прочь. Как жалко, что Самолетик не мог переговорить с ним. Рация его не работала.

Еще прошло немного времени и с одного конца просеки вдалеке показалась машина-тягач. Она быстро приблизилась к Самолетику. Из нее вышли люди, растянули тросы и подцепили к ним Самолетик. Потом погрузили его на тягач и повезли.

Самолетик не мог ничего сказать им, только благодарно улыбался, понимая, что его приехали спасать, что люди не бросили его, не оставили в беде. И теперь он будет жить, снова летать и помогать всем, кому потребуется его помощь.

Тягач выехал из просеки на поляну, которая оказалась чуть дальше и Самолетик не заметил ее с воздуха. Посреди поляны было небольшое озерцо, куда втекал ручей, бежавший по просеке, а рядом стоял большой сильный вертолет, ожидая, когда подъедет тягач с

Самолетиком. К Самолетику снова прицепили тросы, крепкие и надежные, от внешней подвески вертолета МИ-26. И вертолет стал осторожно подниматься в воздух, натягивая тросы и поднимая за собой Самолетик.

Маленький Самолетик опять оказался в небе. Но в таком положении, в каком он никогда еще не летал и, наверное, больше никогда не полетит. Поврежденный и больной, он не мог самостоятельно передвигаться и ему подставили свою спину, протянули руку помощи другие,

кто мог лететь не только сам, но и вместе с ним, Самолетиком.

Вертолет долетел до родного аэродрома Маленького Самолетика и бережно опустил его на землю, где ждал уже Механик, тревожно и ласково улыбаясь.

Механик подбежал к Самолетику, осмотрел его и нежно погладил по крылу.

- Все будет в порядке, мой дорогой.

Механик и не думал ругать Маленького Самолетика, как тот опасался, за то, что он не сдержал слово не спускаться низко и полетел в самый огонь. Наоборот, Механик обращался с ним как можно бережнее и аккуратнее. Он рассказал, что очень волновался, когда Самолетик пропал, не отвечал на вызовы Диспетчера, и что это ИЛы, летя на пожар и пролетая над просекой, заметили Самолетик и сообщили Диспетчеру. Поэтому из Большого Города сразу же был послан вертолет, чтобы спасти героя.

- Помни, мой маленький друг, если ты поможешь кому-то, то и тебя никогда не оставят одного, обязательно выручат из беды и помогут, чего бы это ни стоило. Не сомневайся.

И Маленький Самолетик уже не сомневался в этом.

Удивительное знакомство

Сегодня на аэродроме, где жил Маленький Самолетик, принимали гостей.

Они прилетели по случаю праздника - шикарные, сияющие железные птицы. От их лакированного блеска, от грации и изыска форм, от громкого треска двигателей сразу стало шумно и радостно на всегда тихом летном поле. Они внесли праздничную суматоху в

размеренную жизнь его обитателей.

Прибывшие самолеты были необычны и очень красивы. Они не были приспособлены для перевозки ни людей, для грузов. Их предназначение было совсем другое. Таких Маленький Самолетик еще никогда не видел. Острые, упрямые носики с двумя пилотскими кабинами под фонарями, прямые и очень сильные крылья, кокетливые хвостики с золотыми завитками на черном фоне, такие же золотые брюшки. Черные глянцевые спины их словно играли мускулами. Воздухозаборник двигателя, будто уши, располагался по краям узкого фюзеляжа, что тоже придавало особое очарование.

Легкие, смелые до отчаяния, стремительные и выносливые, парящие в небе подобно альбатросам в морской стихии. Они приземлились на гостеприимный аэродром отдохнуть после напряженного и сложного полета над соседним полем, полета, которым восхищались все, кто его видел.

Маленький Самолетик тоже видел. И какой же это был прекрасный полет! Ничего подобного в своей жизни ему еще наблюдать не приходилось. Эти дерзкие смельчаки, словно резвясь и играя, выделявали в небе немыслимые фигуры и выписывали дымом такие вензеля, что у Самолетика от удивления открылся рот. Он хлопал своими дворниками-ресницами как во время сильных ливневых осадков.

Уверенно и слажено Гости крутились и вертелись в разные стороны, вверх-вниз, волчком, сталкивались, соединялись в плотный клубок и снова разлетались кто куда, будто танцевали какой-то бешеный танец. Как это было красиво! И как страшно за них! Маленький Самолетик даже зажмурился в самые опасные моменты. Ну, подумайте сами, разве можно выключать свой двигатель там, в небе, в самом зените, и падать вертикально вниз на хвост с такой малой высоты! Маленький Самолетик никогда бы на такое не решился. Это же верная

гибель! Но эти смелые птицы как будто смеялись над опасностью. Все у них было рассчитано и вымерено. В самый крайний момент они вдруг взывали движками и снова вихрем неслись ввысь.

А в заключении они все вместе замысловатым виражом нарисовали на фоне голубого прозрачного неба Сердце и пронзили его, как стрелой, в самой середине. У Самолетика от восторга даже закрылки задрожали. Кругом кричали и аплодировали люди, выражая свое

восхищение воздушным спектаклем.

Друг Маленького Самолетика старый Механик тоже стоял у ангара, задрал голову, молча придирчиво наблюдал и одобрительно кивал, оценивая технику и мастерство выполнения какого-нибудь очередного эффектного виража.

Приземлившись после выступления на аэродром, "артисты" спокойно и

уверенно зарулили на отведенные им стоянки, деловито переговариваясь и обсуждая детали своего пилотажа, и вскоре устало затихли.

Маленький Самолетик долго переминался на амортизаторах с колеса на колесо, не сводя с них глаз. Ему очень хотелось познакомиться с этими героями, но он боялся к ним даже приблизиться. А они его не замечали.

Наконец, Самолетику показалось, что Гости задремали, отдыхая. И он тихонечко подкатился к крайней стоянке. Какие же они были красивые, лощеные, ухоженные, сверкали на солнце всеми своими частями. Одно слово - артисты, привыкшие к восхищению, овациям,

любованию зрителей. Они знали себе цену и выглядели несколько высокомерно. Заметив рядом с собой Маленького Самолетика, Гости снисходительно ему улыбнулись и заговорили с ним. У Самолетика от волнения пересохло масло и язык прилип к горлу.

- Ты кто такой, голубчик? Что здесь делаешь?

- Мы тебе нравимся? Да?

- Какой же ты маленький и неказистый, воробышек!

- Неужели такое чудышко тоже летает!

Самолетик, с трепетом слушавший их, молча грустно потупился. Ну и пусть он маленький и некрасивый. Зато brave и смелый, с добрым сердцем и душой, открытой для всех. Вот попросит Механика покрасить его свежей краской и тоже будет сверкать на солнышке.

Но тут Командир с номером "1" на своем борту примирительно произнес:

- Ну что вы его совсем засмущали. Хоть он и маленький, но такой милый и интересный. А ты не обижайся, мы рады с тобой познакомиться. Давай, будем друзьями. Мы приглашаем тебя к себе в гости. Прилетай, когда захочешь.

Маленький Самолетик улыбнулся и кивнул. Он не умел обижаться.

Потом они долго разговаривали. Самолетик расспрашивал обо всем. Гости рассказывали, как они путешествуют по разным местам и выступают со своими полетами, как они научились на грани опасности и риска делать сложные фигуры высшего пилотажа.

После этого разговора Маленькому Самолетику очень захотелось самому, пусть не так как эти мастера, но все же покрутиться в небе, попробовать свои силы. Ведь это жутко здорово и захватывающе.

На следующий день, после того как "артисты" улетели домой, Маленький Самолетик проснулся пораньше и, ничего не сказав Механику, полетел на дальнее поле подальше от аэродрома, чтобы его никто не видел.

Он поднялся выше, напряг все свои силы. Его пропеллер бешено крутился и мотор работал на максимальных оборотах. Самолетик понесся по небу со всей скоростью, на какую только был способен, и стал осторожно крениться на левое крыло. Мощный поток воздуха не

давал опрокинуться. Маленький Самолетик не мог его пересилить. Его только начинало разворачивать в сторону и он с трудом удерживал руль направления по потоку. Самолетику было страшно. Но в какой-то момент он преодолел страх и, как в омут, энергично упал на

крыло. Ужасной силой его швырнуло и мгновенно перевернуло вокруг оси. Маленький Самолетик ничего не успел понять, как уже снова летел как обычно вниз колесами. Но он задохнулся и у него так закружилась голова, что он потерял всю ориентировку и не мог

сообразить, где небо, где земля. Это было очень опасно. Самолетик испугался. Так можно и, потеряв высоту, хватануть полный рот земли. К тому же, он очень запыхался и устал.

Маленький Самолетик затормозил. Он хотел, было, еще попробовать подняться повыше и спикировать носом вниз, как это делали Гости, но передумал, поняв, что без расчета и тренировок у него все равно ничего не получится. Только запросто по-глупому убьется.

Самолетик вздохнул и полетел обратно домой. В его сердце все больше и больше крепло чувство восхищения и уважения к способностям тех прекрасных умелых самолетов. Они имеют право быть красивыми и любимыми за то, что делают для людей.

Приносить в души радость - это тоже очень хорошее и нужное на свете дело.

Татьяна Новоселова
**«З В Ё З Д Н Ы Й
Ч А С»**

Контакты Автора:

Email: *t.zalesskaya@mail.ru*

Все права на произведения принадлежат
исключительно их автору.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф